

Иван Жук

Встреча

Иван Жук

Встреча

«Издательские решения»

Жук И.

Встреча / И. Жук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901380-4

Сборник киноповестей «Встреча» — отнюдь не случайный набор сценариев, предназначенных для кино воплощения. В продолжение тридцати с лишком лет автор скрупулезно подбирал истории, случавшиеся с его близкими и знакомыми, в которых тем или иным образом происходила Встреча человека с Небом. Небо активно участвует в нашей жизни. И только от нас самих зависит рассмотреть или не увидеть всюду расставленные для нас его молчаливые вешки, указатели и знаки.

ISBN 978-5-44-901380-4

© Жук И.

© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Аннотация	7
Незнакомка	8
«Студент хладных вод»	41
Старая-новая сказка	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Встреча

Иван Жук

© Иван Жук, 2018

ISBN 978-5-4490-1380-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

И. И. Жук родился и вырос в Малороссии, в городе Сумы. Учился в Сумском филиале ХПИ, кафедра технологии машиностроения; в Киевском театральном институте им. Карпенко-Карого, кафедра режиссуры художественного кино и телевидения; окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК [1980—1989 гг.]), кафедра кинодраматургии, мастерская Н. Н. Фигуровского.

Во время учебы во ВГИКе совместно с будущим турецким режиссером Семиром Асланюреком и с литовским кинорежиссером Артурасом Поздняковасом создал два полнометражных художественных киносценария, которые немногим позже стали фильмами. Это литовский фильм «Постскриптум» (1986 г.), на конкурсе закрытых фильмов в Москве в 1989 году получивший приз «Золотая шпага», а также российско-турецкий фильм «Вагон» (1993 г.).

В дальнейшем Иван написал более двадцати киноповестей на духовно-нравственные темы. Сценарий по повести А. Ф. Киреева «Студент хладных вод...» стал победителем Международного кинофорума «Золотой Витязь» (2000 г.), а три киноповести: «Вверх по течению», «Нива Господня» и всё тот же «Студент...» – дипломантами Всероссийского конкурса полнометражных игровых киносценариев «ВЕРА. НАДЕЖДА. ЛЮБОВЬ.» за 2008—2010 гг.

Эти и другие киноповести и пьесы Ивана печатались в журнале «Москва» и художественном альманахе «Братина», публиковались в антологии «Современное русское зарубежье», в сборниках Союза театральных деятелей России, в альманахе «Современный киносценарий», в сборниках киносценариев – победителей Всероссийского конкурса «Вера. Надежда. Любовь» и др.

Все произведения, публикующиеся в этом томе, ждут ещё своего экранного воплощения.

Аннотация

Сборник киноповестей «Встреча» – отнюдь не случайный набор сценариев, предназначенных для кинореализации. В продолжение тридцати с лишком лет автор скрупулезно подбирал истории, случившиеся с его близкими и знакомыми, в которых тем или иным образом происходила Встреча человека с Небом. Так, в лирической комедии «Незнакомка» рассказывается о том, как романтически настроенный юноша, благодаря своей внутренней цельности и бескомпромиссности после цепи вроде бы на корню разрушающих всякую романтическую приподнятость событий, внутренне взрослеет. И, несмотря ни на что, обретает воплощение своей Мечты – в иконописном образе Богородицы; а на развалинах растоптанных грез, надежд и фантазий, в постоянно путающейся у него под ногами сестре друга, в конце концов, замечает свою земную суженую. В киноновелле «Чудо» абстрактное чудо мироточения на поверку оказывается совершенно конкретным вмешательством Бытия в личную жизнь вроде бы всеми забытой женщины – Ольги Ивановны. И так во всех десяти сценариях. Тем или иным образом Небо активно участвует в нашей жизни. И только от нас самих зависит разглядеть или не увидеть всюду расставленные для нас его молчаливые вешки, указатели, знаки.

Незнакомка

Летнее солнце стояло в зените. Из глубины пшеничного поля, под прерывистый звон цикад медленно приближалась Прекрасная Незнакомка. Одетая во все белое: в длинное белое одеяние с широкими рукавами и в белую же накидку, наброшенную на голову, Незнакомка, казалось, не шла по полю, но как бы парила в воздухе. И при этом она спокойно, царственно улыбалась.

Внезапно в бездонную синеву неба над Незнакомкой и в зелень полей за нею вонзился вдруг резкий протяжный скрип.

Видение вмиг погасло; и в темноте уже, под прерывистый зуд газосварки широко распахнулась дверь.

– Ваня, поезд! – возник на пороге бытовки стрелочника плотный, лет сорока, мужчина, одетый в казенные брюки, тенниску, с картузом железнодорожника набекрень. Это был Иванов дядя.

Сам же Иван, – ему было не больше двадцати двух лет, – неторопливо привстал с лежанки и тяжело вздохнул. Он явно был недоволен вторжением постороннего в его грезы.

– Давай-давай – быстренько, – подхватил дядя ведро с вишнями, а небольшую корзинку с пирожками сунул Ивану в руки. – Я тебе помогу.

Затем дядя юркнул обратно к двери. А Иван перед тем, как выйти, поднял с лежанки еще и фотоаппарат. И так вот, с фотоаппаратом в одной руке, а с корзинкой – в другой, он и вышел за дядею из бытовки.

Рядом с бытовкой стрелочника три мужика в засаленных спецодеждах заваривали проход к пригородным платформам.

– Секундочку! – остановил их дядя и, юркнув в дыру в заборе, пропустил туда и Ивана, после чего с достоинством прикрикнул на мужиков:

– Да хорошенько варите мне! А то в прошлый раз заварили, черти! Главный ногой пихнул – оно тут же и отвалилось. Бракоделы!

Между тем у небольшого железнодорожного вокзала, близ залитой ярким июльским солнцем пригородной платформы, остановился пассажирский поезд. Толпы старушек и женщин с ведрами, корзинками и кульками, выйдя из-под густой тени придорожных берез и сосен, тотчас рассеялись по перрону и облепили все выходы из вагонов. В гулком воздухе зазвучало:

– Яблочки! Купите яблочки! Свежие яблочки! Только что с дерева!

– Пирожки! С капустой и с вишнями! Горячие пирожки! Недорого! Направляясь с Иваном к толпе старушек, дядя наставнически сказал:

– Главное, не бойсь. Морду лопатою – и вперед! Вона – учись у бабок! Пирожочки горяченькие, то да се! Рекламку сообрази и грузи по полной. У отдыхающих денег много. Наш брат-мужик на курорт не ездит. Вот и ломи им цену. И, главное, улыбайся!

Во всем соглашаясь с дядей, Иван повесил корзинку с пирожками на сгиб руки, а фотоаппаратом то и дело начал фотографировать: то – старушку с ведром яблок, то – краснощекого мужика с вареными раками на подносе. И так вот фотографируя, в очередной раз он повернул в толчее голову и вдруг ошарашенно замер.

В трех шагах от него, прямо у двери тамбура, покупала у толстой женщины краснобокие наливные яблочки молодая красивая девушка, очень похожая на Прекрасную Незнакомку из недавно оборвавшегося виденья. Девушка протянула торговке деньги и, поднеся пакет с яблоками к груди, тут же одно из них – самое наливное, ярко-красное яблоко – надкусила. Хруст от укуса яблока отрезал собой все звуки. Движения всех замедлились. Руки Ивана расслабленно опустились. И корзинка с домашними пирожками, соскользнув с изгиба руки

фотографа, упала на тротуар: покачнулась туда-сюда, но все-таки устояла, а рядом с корзинкой возникли ноги какой-то другой длинноногой девушки.

Над головой же девушки у вагона на мгновение появилось уже знакомое по видению белоснежное покрывало.

Правда, в следующее мгновение длинный пронзительный посвист поезда оборвал романтическую картинку: накидка над головой у девушки испарилась, все звуки снова возобновились, а движение у вагона стало вполне обычным.

Кривобокая проводница выкрикнула с подножки:

– Отправляемся!

И толпа пассажиров, гулявших между торговками, дружно метнулась к тамбуру.

Только теперь Иван поднял фотоаппарат и надавил на спуск. Стремительно перевел затвор и снова сфотографировал.

На полпути в тамбур девушка наконец-то заметила папарацци. И, – хорошо загорелая, с надкушенным яблоком возле рта, – с интересом, хотя и несколько удивленно взглянула прямо в фотообъектив фотоаппарата.

Раздался третий щелчок затвора, и кривобокая проводница огромной, в зеленом жакете, вспотевшей спиной заслонила собой девушку.

Рядом с Иваном кто-то вдруг рассмеялся.

Поневоле взглянув в ту сторону, Иван увидел другую девушку: высокую, несколько нескладную, всю в веснушках, с волосами, собранными в пучок, схваченным резинкою на макушке. Кусая пирожок, девушка улыбнулась:

– А что, вкусно, – и снова непонятно почему весело рассмеялась.

Не говоря ни слова, Иван перевел взгляд от этой девушки на тамбур. Правда, Незнакомки там больше не оказалось. Проводница, войдя в вагон, закрылась в нём изнутри, и пассажирский поезд Симферополь – Москва медленно отъехал от полустанка.

Толпа торгующих сразу сникла и принялась расходиться. На перроне, глядя вдогонку поезду, остался стоять лишь один Иван да четырнадцатилетняя девушка с пучком волос над макушкой.

– И сколько ж стоит твой пирожок? – суя в рот последний кусок от пирожка, спросила она Ивана.

– Семь рублей, – сухо сказал Иван.

– Сколько?! – поперхнулась Веснушчатая. – Нет, я серьезно спрашиваю.

– А я серьезно и отвечаю, – поднял корзинку с пирожками Иван.

– А где ж мне взять такие деньжищи? – плетясь за Иваном, не на шутку расстроилась Веснушчатая. – Шутишь, небось, да?

– Какие шутки, – направляясь в сторону дяди, строго сказал Иван. – Вон у Федора Ивановича спроси. Он их с тетей Шурой пёк. Они и цену мне назначали. А я только так, торгую.

И, видя, что девушка явно в трансе, приближаясь к дяде, шепнул:

– Ну ладно, ступай уже... И больше, не зная цены, не лопай...

– Я поняла. Спасибо, – облегченно шепнула девушка и отошла от Ивана в сторону, в то время как его дядя, дождавшись племянника в тени вековой сосны, спокойно и взвешенно заявил:

– А я ещё и не верил... Думал, завистники наговаривают... А ты, оказывается, бездельник. Весь в своего папашку, – взял он корзинку из рук Ивана. – Ну что ж, племян, щелкай дальше. Только не забывай, чем твой отец закончил! Спасая котенка, сгорел в сарае! И ты такой смерти хочешь? Эх, бедная, бедная моя сестричка Ната. Надо ж было от пустоцвета последыша родить. Да уж, видели очи, что выбирали: ешьте ж, хоть повылазьте. Ну что ты стоишь – ступай. Я понял, какой из тебя помощник бабке твоей и матери.

И Иван, почесав затылок, только пожал плечами. После чего вздохнул и отступил от дяди:

– Ну, извините.

За открытым окном веранды желтели на солнце дыни. Чуть дальше раскачивались деревья, с которых то и дело с чавканьем шлепались наземь сочные абрикосы. Внутри ж небольшой веранды, – разложив на столе между двух холмов, огуречного и сливового, фотопортреты девушки, снятые накануне возле вагона поезда, а также пару рисунков карандашом точно такой же женщины с белой накидкой над головой, – Иван объяснял художнику, жилистому товарищу, жующему огурец:

– Вот это я нарисовал прошлым летом. Ты помнишь. А вот это – сфотографировал вчера вечером. Одно и то же лицо!

Громко хрустя огурцом, товарищ Ивана – двадцатидвухлетний Володька Хрущ – внимательно рассмотрел рисунки и, сверив их с фотографиями, рассеянно подтвердил:

– Ну, похоже. А у тебя, случайно, соли с собою нет?

Оставив вопрос товарища без ответа, Иван взволнованно произнес:

– Что «похоже»?!. Что «похоже»?!. Это же знак. Судьба! Нет, я должен немедленно ехать в Москву! – принялся собирать он рисунки и фотографии в черный пакет для фотобумаги.

Между тем за окном веранды, над кустами крыжовника, появился знакомый пучок волос съевшей пирожок на платформе девушки. Замечая его, Володька сказал:

– Вместо того что подслушивать, взяла бы да крыжовник полила.

– А я уже полила, – выглянула из-за куста Веснушчатая.

– Ну так поди вон грушу полей, – кивком указал Володька в дальний конец сада, – вишни, орех, шелковицу.

Веснушчатая вздохнула и, недовольно поморщив нос, всё-таки отошла. Пока она отступала от распахнутого окна веранды, Володька поинтересовался:

– А ты почему решил, что надо в Москве искать? Тут по дороге к ней одних городов штук тридцать. А ещё городки, поселки, станции, полустанки.

– Ах, какие там полустанки! – отмахнулся в сердцах Иван. – Судьба! Понимаешь?! Знаки! В столице она живет.

– А, – лишь кивнул Володька и, наблюдая за тем, как Иван прячет в сумку пакет с фотографиями и рисунками, только вздохнул, отбрасывая в окно огрызок от огурца: – Только пальто не забудь захватить. И шапку.

– Зачем? – не понял его Иван.

– Ну как же – Москва, столица. Больше двенадцати миллионов жителей. Искать долго, видать, придется. Лично я на твоём бы месте и железные сапоги в кузне бы заказал. На всякий пожарный случай.

В небольшой, чисто убранной комнате, стоя спиной к матери, замершей у стола, и боком – к бабушке, всхлипывающей под дверью, Иван собирался в путь. Он бросил в спортивную сумку туфли, свитер, ветровку, фотоаппарат. А когда поднял черный пакет с фотографиями и рисунками, нарушая тревожную тишину, царившую в квартире, бабушка возопила:

– И куда же ты едешь, Ваня?! Время сейчас какое: то взрывы, то самолеты падают! Да и нас с матерью пожалел бы! Как мы тут без тебя-то?

После каждого слова бабушки Иван, всё больше и больше горбясь, всё-таки сунул в сумку черный пакет с рисунком и фотографиями, а там и, лишь миг помедлив, бросил туда же свитер и даже зимние сапоги.

– Ладно, мать, не гунди, – видя его решимость, оборвала мать Ивана старушечьи причитания. – Как-нибудь проживем. Пусть попробует, пока молод. Москва, она смелых любит. А что ж ему тут, на станции, до смерти вишнями торговать? Тоже нашли мне занятие для мужчины. Вот, Ваня, адрес дочки Сергея Павловича, Люды Петровой, – приблизилась она к сыну

и протянула ему записку. – Помнишь, худенькая такая, на балерину еще училась? Говорят, она теперь замужем за новым русским. Каждый год по Парижам ездит. Авось и тебе по старой памяти, как земляку, поможет.

Без особого энтузиазма Иван взял записку из рук матери и сунул ее в карман.

Видя его реакцию, мать добавила уже строже:

– И не криви ты носом. С работой везде теперь тяжело. А там без знакомства обязательно облапошат. Вон мужики рассказывают: и обманывают, и... разное, – покосилась она на бабушку и поправила на Иване воротничок рубашки. – Так что, как только в Москву приедешь, сразу и сходи. Спрос не ударит в нос.

На знакомой уже платформе, где Иван накануне сфотографировал девушку у вагона, заканчивалась посадка на пассажирский поезд Бердянск – Москва. В суতোлке прощающихся и поспешающих с сумками к молоденькой проводнице, замершей возле тамбура, стояли и Иван с Володькой. Рядом с ними ласково обнимал беременную жену тощий сутулый парень лет двадцати пяти. Здесь же вертели торговки фруктами и домашними пирожками.

– Пассажиры, в вагон! Отправляемся! – возник из-за двери в тамбур крепкий плечистый проводник в белой спортивной тенниске, в штанах с широкими генеральскими лампасами по бокам и в шлепках на босу ногу.

Иван потянулся к сумке.

– Пиши, если что. Звони, – провел его Володька к вагону.

– Ты-то к моим заглядывай, – попросил его Иван.

– Обижаешь, – сказал Володька и обменялся с другом крепким рукопожатием.

Толпа увлекла Ивана в медленно отползающий от платформы поезд. Последним за ним на подножку вскочил Сутулый. Он всё никак не мог распрощаться с беременной женой.

Всё быстрее и быстрее шагая за поездом по перрону, жена махала Сутулому поднятой рукой и, глядя себя по вспухшему животу, со слезами на глазах приговаривала:

– Мы тебя будем ждать!

А вдалеке, в толпе остающихся на платформе, мелькнул над правым плечом Володьки знакомый пучок волос малолетней его сестренки – длинноногой, нескладной ещё Веснушчатой.

Медленно набирая скорость, поезд умчался в сгущающиеся сумерки.

Сверяя номер, указанный в билете, с номерами над сидениями в вагоне, Иван протиснулся в толпе пассажиров к своему купе.

Но не успел он еще как следует осмотреться, как с нижнего сидения прямо ему навстречу вскочил высокий сухопарый парень в тельняшке и в черных бриджах:

– Ванюша, в Москву? На заработки?

– Да... пока не решил, – растерялся на миг Иван и опустил сумку на сидение.

– Что значит не решил? Где твои вещи? – оглядел Сухопарый вещи Ивана. – Ну вот же, баулов нет. Значит, не на базар! – и, обращаясь уже к пожилому крепкому пятидесятипятилетнему мужику в кепке, радостно объявил: – Ну вот, Петрович, тебе помощник! Ваня. Мы с ним когда-то коровник строили! Работает, как зверь.

Оценив взглянув на Ивана, присевшего рядом с ним, Петрович вкрадчиво спросил:

– Что, и кладку ложить умеешь? Или так, на подхвате только?

– Могу и кладку, – нехотя сказал Иван, на что Сухопарый протараторил:

– Да мы с ним чего угодно. Я тебе за него головой ручаюсь!

– Это – да, – скептически посопел Петрович. – Только мы не коровник строить. На серьезную стройку едем! Там тят-ляпом не обойдешься.

– Ну так возьми его на подхвате! А там уж – по обстоятельствам! – ответил Петровичу Сухопарый, а Ивану с уверенностью сказал: – Ну вот, ты теперь в бригаде! – и, обращаясь к молоденькой проводнице, явившейся проверять билеты, хлестнув ладонь о ладонь, сказал: – О! И чаек гремит!

– Быстрый какой, – присев на краю сиденья, ответила проводница и, беря у Ивана билет, добавила: – Вот билеты проверю – тогда уже и чаек. Так. До Москвы? Держи, – вынула из мешка и сунула прямо Ивану в руки запечатанный в целлофане пакет с постелью.

Только теперь, возвратившись в вагон из тамбура, на сидение грузно осел Сутулый. Видя его насуспенное, непроницаемое лицо, Сухопарый подсел к товарищу и понимающе вздохнул:

– Да, без семьи – хреновенько. А по-другому – как?! Либо с женою и на бобах, либо на заработках с пацанчиками... зато и жене подмога! Да сыну на памперсы заработаешь! – и, вынув из рюкзака газетный пакет с продуктами и бутылку с водкой, водружая её на столик, глубокомысленно подытожил: – Это – Жизнь!

Мерно стучали колеса поезда. За окном сгустилась непроглядная темнота.

При едва-едва мерцающем освещении, на верхней полке, отвернувшись лицом к стене, притихла испуганная старушка.

Внизу же, рассевшись вокруг стола, заваленного газетами, скорлупками от яиц, картофельной шелухой и с возвышающимися над ними пластиковыми стаканчиками, пьяно переговаривалась бригада мужчин в возрасте от двадцати до пятидесяти пяти.

Разлив по стаканчикам из бутылки водку, Сухопарый сказал Сутулому:

– Родит. Даже не сомневайся! И не она одна...

– Что значит – не она одна?! – на миг протрезвел Сутулый. – Я Оксанку свою люблю. Ради неё и еду!

– Ну а кто против? Мы все тут ради семей стараемся. Не любили бы – не поехали б, – подлив водки в стакан Сутулому, отвечивал Сухопарый. – Вот за любовь и выпьем! Не понял! – заметил он непочатый стаканчик с водкой, стоявший перед Иваном. – Ты что, и за любовь отказываешься? Ну, это уж перебор. За любовь отказываться нельзя!

Иван лишь вздохнул с досадой и, нехотя подняв со столика свой стаканчик с водкой, принохавшись, передернулся.

– Вот это по-пацанячьи! – похвалил его Сухопарый и, обняв Сутулого за плечо, пьяно шепнул Ивану: – Ну что, за любовь! Будьмо!?

С трудом поднимая головы, вся бригада сонливо вздрогнула и, чокаясь стаканчиками над столешницей, дружно и громко грянула:

– Будьмо, гэй! Гэй!! Гэй!!!

После каждого крика «Гэй!» старушка на верхней полке, вздрагивая, поеживалась. Но, наконец, не выдержала и после третьего вскрика «Гэй!» рассерженно прохрипела:

– Ну хватит уже вам «гейкать». Сейчас начальника поезда позову, он вас быстро утихомирит!

И мужчины, как будто только того и ждали, тотчас притихли. И только один из них, неугомонный Сухопарый, перед тем как опрокинуть стопарик с водкой, развязно прошептал:

– Ну, пацанчики, за удачу!

И вся бригада, включая Сутулого и Ивана, молча и дружно выпила.

Утром следующего дня, когда за окном вагона проносились уже платформы пригорода Москвы, Иван, морщась от головной боли, осторожно достал из-под нижней полки свою спортивную сумку. И, с опаскою покосившись на дрыхнувших земляков, хотел незаметно выйти. Да тут, приоткрыв один глаз, с полки его окликнул Сухопарый:

– Ваня, а ты куда?

– Да мне... надо, – промямлил Иван, по инерции направляясь к выходу.
Да только Сухопарый резко вдруг сел на сидение и, потирая виски, сказал:

– Несерьезно. Договор – дороже денег. Друзей бросать – запахло.

Иван лишь вздохнул и сел.

И тут с верхней полки отозвалась старушка:

– Каких там друзей, аликов! Беги, сынок, от таких друзей! И чем скорей, тем лучше.

– Но-но, мамаша! Неча учить предательству! – одернул её Сухопарый. – Не племянница ль ты, случай, Павлика Морозова? Больно уж на него похожа!

Старушка лишь сплюнула, затихая.

Тогда как Иван, постеснявшись уйти, присел. И, понимая всю безвыходность своего положения, обнимая сумку, тяжело и протяжно выдохнул.

В этот момент, проносясь уже между полок, знакомая проводница громко сообщила:

– Панове, просыпаемся! Москва. Через десять минут закрываем туалеты!

Хмурая, небритая, невыспавшаяся бригада вышла из автобуса и огляделась.

Ярко светило солнце. Вокруг разметнулось поле. И лишь впереди, за окружной дорогой, по которой умчался привезший мужчин автобус, поднимались в бездонную синеву несколько новостроек. К одной из них, – к двадцатичетырехэтажному, с огромным краном поблизости недостроенному объекту, – и повел мужиков Петрович.

Обнесенная дощатым забором с распахнутыми воротами, через которые то въезжали, то выезжали со стройплощадки грузовые автомобили, новостройка таранилась во все стороны темными провалами ещё и не застекленных окон. И только за некоторыми из них мелькали крошечные фигурки работающих людей.

– Кажется, этот, – сверил Петрович запись на листе с номером дома, написанным белилами на заборе.

– Тут пахоты, – пригляделся к многоэтажке Сухопарый. – Может, пивка?.. Для рывка? – взглянул он с надеждой на Петровича.

Да только Петрович так зло и твердо зыркнул на Сухопарого, что тот поневоле ступешивался, потупился и сказал:

– Водички бы. По глоточку. А то – сушняк.

Не отвечая ему ни слова, Петрович размеренно повернулся и молча провел бригаду прямо к распахнутым воротам.

Последним, обвешанный не только своею, но и множеством чужих сумок, брел по пыли Иван.

При появлении бригады молодой сторож в камуфляже, сидя в тени бытовки, открыл один глаз и лениво взглянул на всех.

– Нам бы Василия Максимовича Петренко, – обратился к нему Петрович.

– Там, – лениво указал сторож на дверь бытовки.

– Спасибо, – кивнул Петрович и повел бригаду к двери.

Сторож лениво зевнул и, закрывая глаз, клацнул, как волк, зубами.

Из-за стола, стоявшего в дальнем конце бытовки, Василий Максимович оглядел своих земляков, сгрудившихся возле двери, после чего сказал:

– Так. Сколько вас? Девять?

– Как договаривались, – заискивающе усмехнулся ему Петрович. – Два каменщика. Штукатуры. Комплект, хэ-хэ.

– Давайте паспорта, – открыл Петренко ящик стола.

Все потянулись за паспортами, и только Иван вдруг насторожился:

– Зачем?

– А регистрироваться что – сам будешь? – надавил на него Петрович. – За одни сутки? По щучьему велению?! А у Василия Максимовича всё схвачено, – прояснил он для остальных.

Все, в том числе и Иван, молча побросали свои паспорта в ящик письменного стола начальника.

– А водички можно? – кивнул на стоявший на столе графин с водой Сухопарый.

– Попейте, – понимающе посмотрев на всех, пододвинул к рабочим графин Петренко, а, подавая стакан, добавил: – Только, надеюсь, что это в первый и последний раз.

– О чем разговор? Естественно! – набросились на графин рабочие.

Петренко же, закрывая паспорта в ящике стола на ключ, поднялся со стула и сказал Петровичу:

– Ну как там мои, достроились?

– Да вроде бы все нормально, – пристраиваясь к начальнику, двинулся за ним Петрович к выходу из бытовки. – Вот – привет вам передают, – протянул он начальнику многокилограммовый газетный сверток.

– Оставь на столе. Успеется, – указал ему на столешницу Петренко и, с брезгливостью посмотрев на рвавших из рук друг у друга стакан с водой земляков, с досадою просопел:

– Только ж и мне хоть глоток оставьте.

По грязной бетонной лестнице Петренко вывел тяжело посапывающих рабочих на самый верхний этаж строительства. И, оказавшись в длинном захламленном коридоре под чистым июльским небом (крыши у здания еще не было), объяснил:

– Завтра к вам явится наш агент. Подпишете нужные бумаги. И с этой минуты ваши зарплаты, минус денежки на питание, будут откладываться каждому на его личный счет.

Петренко повел бригаду по коридору и, пока все оглядывались, продолжил:

– Я вам положил максимально возможные зарплаты: по тысяче баксов мастерам и по семьсот пятьдесят – подсобным. Вы уж не подкачайте.

– Как можно?! Костями ляжем! – ответил за всех Петрович, а Иван поинтересовался:

– А выходные будут?

– На ваше усмотрение, – ответил Петренко. – Можете вон, как Гавриков, все деньги – в один котел. Составьте график. Кто опоздал или отдохнуть хочет – минусуйте. А в конце кто что заработает, то и получит.

– Мудро, – кивнул Петрович. – Пожалуй, мы так и сделаем.

Все закивали, соглашаясь с начальствующими. А Иван сказал:

– Важно, что крыша над головой.

– А вот об этом самим придется побеспокоиться, – провел Петренко бригаду в огромную комнату с кипю тюфяков, сброшенных у стены. – Жить вам придется здесь. Сейчас тепло, не замерзнете. А там – крышу покроете, окна вставите. К зиме буржуйку прикупите у меня. Дров, угля. Всё это есть. Уж как-то перезимуете.

Рабочие огляделись, поставили сумки и рюкзаки на грязный бетонный пол прямо под открытым небом с зависшей в синеве стрелой крана.

– Располагайтесь, – сказал Петренко. – Сейчас вам обед принесут. С шести до семи – ужин. Перекусите – и вперед. Если кому какой инструмент понадобится, можете у Петра купить, – представил он скромно выступившего из соседней комнаты плечистого розовощекого парня в камуфляже, с радиотелефоном в руке. – Тоже, между прочим, наш земляк. Все, что вам нужно, выдаст. А деньги потом из зарплаты вычтем. Да, и в конце каждого месяца вам будут выдавать рублей по сто-сто пятьдесят на мелкие расходы: на курево там, на чай. А после сдачи дома – расчет.

В окне заблестели стекла. В форточке появилась труба буржуйки. По стеклам стучал мелкий сентябрьский дождь, а в буржуйке потрескивали дрова. На трубе сушились носки, портянки, пара трусов и майка.

Громко стуча алюминиевыми ложками об алюминиевые тарелки, уже заросшие и небритые, в грязных вылинялых одеждах рабочие молча ели.

– Иван! Иван! – приблизилось из-за двери, а через миг-другой на пороге возник Петрович и рассерженно набросился на Сухопарого:

– Ну, и куда твой каменщик подевался?! Опять по Москве гуляет?

Вымокнув хлебом суп, еще остававшийся в тарелке, Сухопарый сунул хлебный катыш в рот и начал медленно пережевывать.

– Работнички, – сплюнул Петрович. – Пэтро, а ну вычеркни ему день – каменщик, елки-палки.

Пэтро, сидевший на табурете спиной к листу оргалита, на котором были написаны имена и фамилии всех рабочих, а также клеточки дней и месяцев их работы, не торопясь встал, взял кусок мела и аккуратно перечеркнул одну из множества клеточек, следовавших после имени «Иван Ракитин». Таких вычеркнутых клеточек у Ивана накопилось уже довольно много, едва ли не половина. Видя это, Петрович прошипел в пространство:

– Надо не только чтобы прогульщику, но и его протезе вычеркивалось. Дисциплинка сразу бы подскочила.

Петро взял и перечеркнул одну клеточку напротив имени Сухопарого.

– Не понял?! – вскочил с тюфяка Сухопарый. – А ну вытри!

Лениво жуя жвачку, Петро сказал:

– Отныне не только прогульщикам, но и их протезе вычеркиваем. Кто «за»? – и первым поднял вверх руку.

Вся бригада, пряча от Сухопарого глаза, проголосовала «за».

Ошарашенно оглядевшись, Сухопарый спросил:

– А я-то при чем? Ты же сам хотел второго каменщика в бригаду! – направился он к Петровичу.

– А он что, каменщик? – выходя уже из «бытовки», съязвил Петрович. – Инженер! Не надо было брехать! «Головой ручаюсь». Вот теперь и следи за ним!

Из-за дверцы автомобиля вышла «Прекрасная Незнакомка». В белых сапожках с высокими голенищами, в белых джинсах и в белой шубке, кутаясь в отворот её, Незнакомка изящной походкой поднялась по гранитным ступеням к стеклобетонному кубу международного телеграфа.

Завороженный её видом Иван долго стоял у стекла витрины. И только когда Незнакомка прошла уж за дверь, в фойе телеграфа, он ринулся ей навстречу.

Едва не сбив по пути старушку и оттолкнув по ходу движения младшую сестру друга, Ольгу (она как раз вместе с людским потоком вошла в телефонный зал), Иван вылетел через дверь в фойе. И поспешил вдогонку за удалявшейся дамой в белом.

Подскочив к Незнакомке сзади, он коснулся белого рукава её искусственного меха шубки. И каковы же были его растерянность, а потом и смущенный ступор, когда Незнакомка с изяществом обернулась.

Даме в шубке было далеко за семьдесят. И только слады бесконечных растяжек, подтяжек и умело наложенных на лицо белил делали её лет на ...дцать моложе.

– Да, я Вас слушаю, – заинтересованно окинула она взглядом молодого взволнованного Ивана.

– Извините. Я обознался, – наконец-то промямлил тот и, ступешавшись, поспешил отойти в сторонку.

– Бывает, – высокомерно и зло взглянула вдогонку ему старуха и изящной походкой двадцатилетней дивы пружинисто отошла к киоскам.

Возвращаясь назад, в огромный стеклобетонный куб международного телеграфа, Иван настолько был поглощен собой и своей неудачной встречей, что попросту не заметил нарочито замершей на пути у него, в проходе между сиденьями, младшей сестры его лучшего друга Володьки – Ольги.

С радостною улыбкой дождавшись Ивана, Ольга лишь облизнулась. А когда он, пройдя уже мимо девушки, уселся на подоконник, хмыкнула раздраженно.

В этот момент из громкоговорителя громко и уверенно разнеслось:

– Сто сорок первый. Сумы. Просьба пройти в шестнадцатую кабинку!

Взглянув на свой номерок, Ольга вздохнула только и в стареньком сером пальто и в серой же вязаной шапочке быстро прошла в толпе за стеклянную дверцу одной из множества кабинок с телефонами-автоматами.

Сверив свой номерок с только что объявленным диктором, Иван без особого интереса взглянул на свою землячку, скрывающуюся в кабинке. Да так и остался сидеть на месте, на широком гранитном подоконнике, с новым приливом энтузиазма начиная вглядываться в лица девушек, стремительно проходящих мимо за огромным окном телеграфа по тротуарам Тверской.

А потом он ехал в автобусе и снова поглядывал за окно.

Когда же автобус остановился и Иван оказался прямо напротив уже знакомого двадцатичетырехэтажного кирпичного новостроя, он молча выскочил из салона и, кутаясь в воротник старенькой болоньевой курточки, поспешил под дождем к воротам.

За его уходом из окна автобуса с грустинкою проследила младшая сестра друга Володьки – Ольга.

В это время из ворот стройплощадки навстречу Ивану выехал «Мерседес». Развалившись в его салоне на заднем сиденье, вальяжно курил сигарету холеный мужчина с огромной темной бородавкой над правой бровью.

Обдав Ивана потоком брызг, «Мерседес» вылетел за ворота и помчался по автостраде.

С досадой взглянув «Мерседесу» вслед, Иван отряхнулся от жидкой грязи, вытер ладонью лоб и быстро прошел на территорию стройплощадки.

Сразу же за воротами, возле грузовика, Иван поневоле остановился.

В пяти шагах от него, у приоткрытой двери в бытовку, крепкий плечистый сторож в камуфляжной куртке интенсивно отталкивал от Петренко сутулого мужика в грязной телогрейке и кирзачах:

– Ну, всё, всё! Пошел, пошел.

Мужик вяло упирался и, через плечо сторожа обращаясь к Петренко, хрипел протуженно:

– Паспорт-то хоть отдайте! Деньги, хрен с ними уж, подавитесь! Но паспорт! Зачем он вам?

– Иди-иди – работай! – взирая на мужика из-за двери бытовки, крикнул ему Петренко. – Сдадим дом, все сразу выдадим: и деньги, и паспорт. Давай-давай.

– Ни хрена вы мне не заплатите, – сквозь зубы хрипел мужик. – Если на поминки не даете, то потом уже и подавно!

– Догадливый какой. Прямо – Шерлок Хомс, – ухмыльнулся ему Петренко и огляделся по сторонам.

Непроизвольно Иван отшатнулся за грузовик.

Видя, что двор близ бытовки пуст, Петренко заметил сторожу:

– Шурик, выведи-ка его за стройку да врежь как следует. Чтобы и дорогу сюда забыл. Нищеврод вонючий.

Выверенным движением сторож заломил руку мужику за спину и поволок его за ворота:

– Только пикни, сученыш! Бритвой по горлу и закопаю. Давай-давай – топай.

Из-за грузовика Иван проследил за тем, как сторож вывел рабочего за распахнутые ворота. И как только Петренко, потоптавшись на пороге бытовки, скрылся внутри нее, Иван осторожно метнулся к подъезду новостроя.

Под морозящим дождиком, на продувном ветру трудились Ивановы земляки. Посреди крыши дымился чан. Под ним полыхало пламя. Набирая ведрами жидкий битум, рабочие разносили его по крыше и заливали разложенный лентами рубероид.

Через чердачный лаз Иван стремительно проскочил на крышу. Оглядевшись по сторонам, он подлетел к Сухопарому и что-то захлеб сказал. Сухопарый лишь отмахнулся и что-то резко сказал Ивану. Однако Иван не сдался, заговорил взволнованней. Тогда Сухопарый отставил швабру под небольшую будочку, возвышавшуюся над крышей, и вместе с Иваном прошел к Петровичу.

Заинтересовавшись их разговором, вся бригада мало-помалу побросала ведра и швабры и сгрудилась вокруг беседующих.

– Да что ты мне говоришь!? – отрицательно покачал головой Петрович. – Я Максимыча с таких вот знаю, – указал он на уровень своих щиколоток. – И чтобы он такое? Да это мужик проболтался где-то, вот он его и учит. И с тобой бы так не мешало! Ну да уж для начала мы порешили с ребятами по-простому: с сегодняшнего дня за каждый твой прогул будете вместе с Лерою отвечать. Он тебя к нам привел, вот и пускай воспитывает. Короче, сегодняшний день мы вам обоим вычеркнули. А там уж вы сами с ним разбирайтесь, сколько и кто получит. А теперь, пацаны, расходимся. А то смола застынет. Не угрызешь потом.

Мужики в неловкости принялись расходиться.

Иван же пожал плечами и поспешил по крыше к выходу на чердак.

– Куда?! – крикнул вдогонку ему Петрович. – А ну вернись, сморчок! Вернись, а то хуже будет! Лера, верни его, иначе еще один день тебе на хрен вычеркнем.

Сухопарый в досаде сплюнул и пошагал догонять Ивана:

– Ваня, стой! Иван! – перешел он с трусцы на бег.

Видя это, Иван тоже слегка ускорился. Так что вскоре они вдвоем, практически друг за другом, проскочили в чердачный лаз и унеслись из виду.

Все остальные члены бригады, кутаясь от дождя в ворота телогреек, подняли ведра, швабры и, особо не торопясь, продолжили прерванную работу.

В комнате, в которой жила бригада, Иван снял с трубы буржуйки майку, трусы, носки и запихал их в сумку. Затем (значительно аккуратнее) сунул туда же черный пакет с фотографиями и рисунками Незнакомки и застегнул змейку.

От двери, перекрыв ему выход из помещения, к Ивану неторопливо, враскачку двигался Сухопарый:

– Слушай, Ваня, так не пойдет. Может, мужик тот – лодырь. Или – алконавт. Вот они и решили от него избавиться. А тебе показалось хрен его знает что.

– Я что, идиот, по-твоему? – с сумкой через плечо подступил Иван к Сухопарому. – Работягу от алконавта не отличишь?

– Ну а сам? – глядя ему в глаза, одной стороной лица скривился в ухмылочке Сухопарый. – Тоже с виду нормальный парень. А работаешь как? Хреновенько.

– Я ж тебе объяснял: я сюда не на заработки, а за другим приехал. И на ту баланду, которую нам дают, все-таки отработывал. Согласись.

– Может, и так, – кивнул Сухопарый, и другая, неулыбающаяся часть его лица, как-то сразу окаменела. – Но отпустить я тебя не могу. Иначе они меня так тут вздрючат. Из-за тебя, родного, – что извини меня. А у меня – семья: мать больная, сестра на выданье. Так что придется тебе, братишка, до сдачи дома остаться с нами.

– А-а-а! – громко вдруг заорал Иван и бросился с кулаками на Сухопарого. Правда, бить он его не стал, а в самый последний миг, когда Сухопарый готов был уже отразить удар, Иван вцепился ему руками в горло. И, повалив товарища навзничь, начал царапать и кусаться так, что Сухопарый от неожиданности резко отпрянул в сторону. И, защищая лицо руками, растерянно захрипел:

– Ну всё, всё. Свободен на хрен! Я сам с ними разберусь!

Перескочив через рухнувшего товарища, Иван поднял с пола сумку и поспешил к двери.

Правда, в дверном проеме он едва не столкнулся лоб в лоб с входящим в комнату охранником в камуфляже. Тогда Иван завизжал на охранника так истошно, что тот поневоле отпрянул в сторону. А когда Иван проскочил на лестницу, только и смог, что спросить у Сухопарого:

– Он что, бо-бо?

– Ты ещё сомневаешься? – поглаживая расцарапанную в кровь шею, поднялся Сухопарый.

– Тогда пусть бежит себе? – сжимая в руке радиотелефон, на миг растерялся охранник.

– Конечно, – кивнул Сухопарый. – Нам только шизика не хватало! Может, он бешеный! – указал он на прокушенные костяшки пальцев. – А вы меня дрючите тут с Петровичем. А ну вытирай прогул. И всю его запись – на хрен! Не было Вани. Не было.

– Понял, – кивнул охранник и вытер на оргалите Ивановскую графу так, будто ее и впрямь никогда там в помине не было.

Мелодичная трель звонка, заглушая постановывания сексующихся на экране японского телевизора, наполнила белоснежную, но захлавленную кухню.

Переведя взгляд с экрана на дверь в прихожую, худенькая, в махровом халате Люда Петрова, – женщина неопределенного возраста с помидорно-клубничной маской на лице, – отложила полусъеденное краснобокое яблоко на столешницу и, не выключив порнофильма, вышла на голос трели.

Через глазок в железной двери Люда разглядела одетого в грязную куртку, свитер и сапоги Ивана. Присмотревшись к его нахмуренному лицу, Люда спросила:

– Вы водопроводчик?

– Люда, я твой земляк, – обратился к закрытой двери Иван. – Иван Ракитин, не узнаешь?

– Что-то припоминаю, – сказала Люда, подумала и добавила: – Минуточку, я оденусь.

Из прихожей Люда метнулась в спальню. Там, в белоснежных апартаментах, на огромном под балдахинном ложе, сладко похрапывал обнаженный мужчина со знакомой уже бородавкой над правой бровью. На ковре возле ложа валялись трусы, носки, рубашка, галстук, ботинки, портфель, длинное черное пальто, пара пустых бутылок из-под шампанского, несколько порнографических журналов, сотовый телефон и еще множество самых разнообразных, сваленных в кучи вещей и тряпок.

Затеребив спящего за плечо, Люда сказала:

– Женя, проснись, Же-ня!

– Людочка, не пыли. Мне сегодня к двенадцати, – отмахнулся мужчина, не просыпаясь.

Однако Люда настойчиво продолжила:

– Женя, там мой земляк. Как думаешь, впустить? Или пусть катится?

– Твой земляк – ты и думай, – перевернулся Женя на другой бок и еще слаще захрипел.

– Он молодой, сексуальный, – предупредила Люда. – Же-ня!

– Людочка, дай поспать, – раздраженно сказал Женя и зарылся с головой под подушку. – У меня сон... серьезный.

– Смотри, – победоносно сказала Люда и направилась назад в прихожую. – Чтобы потом не вякал.

– А, – отмахнулся Женя и захрапел громче.

Щелкнул замок, отошла задвижка. Люда открыла дверь и обворожительно улыбнулась:

– Батюшки! Ваня! Совсем взрослый! Заходи.

При виде кроваво-красной маски в первый момент Иван даже слегка отпрянул. Правда, тут же придя в себя, вымученно улыбнулся и прошел в прихожую:

– Доброе утро.

– Не обращай внимания, – закрывая замки, объяснила Люда. – Мы ещё не проснулись. Вчера вечером были на презентации. Немножко перебрали. Приходится поправлять лицо. Хо-хо! Ну ладно, снимай свою сбрую. Можешь бросить ее вон там, – указала она под дверь прекрасно отремонтированной, но далеко за порог заваленной грязным скомканным бельем ванной. – И проходи на кухню. Не обращай внимания.

Люда первой прошла на кухню. И пока Иван снимал куртку и сапоги, спросила его оттуда:

– Может, ты есть хочешь?

– Хочу, – стащил свитер Иван и, сбрасывая его на горку вещей под ванную, поинтересовался:

– А как бы ещё умыться?

– Ну, стань на белье и мойся. Можешь и душ принять. Пока я курицу приготовлю.

Перед тем как пройти за порожек ванной, Иван долго возился с импортным выключателем. Свет в ванной не включался, а только слегка помигивал.

– Да ты ударь по нему разок, – подсказала Ивану Люда.

Иван ударил по выключателю, и свет в ванной и впрямь зажегся.

– И дверь, когда будешь мыться, не защелкивай, – появляясь в кухонном дверном проеме, сказала Ивану Люда. – Иначе потом без слесаря не откроешь.

Уже чисто вымытый и побритый Иван поглощал куриный окорочок с жареною картошкой, а Люда, любясь его недюжинным аппетитом, заметила улыбаясь:

– Вкусно? Может, шампанского? – и, не дожидаясь ответа, достала из холодильника запотевшую бутылку шампанского. – Шампанское настоящее, французское. Уверена, ты такого отродясь не пробовал.

И она быстро, по-деловому, откупорила бутылку. Затем так же, по-деловому, она наполнила грязненькие хрустальные бокалы первоклассным французским шампанским и, суя в руку один из них Ивану, слегка закатив глаза, предложила:

– Ну что, за любовь?! Надеюсь, не возражаешь?

Чокнувшись с Людой бокалами, Иван с неохотой выпил. На что Люда, одним махом опорожнив бокал, облизнулась и, наслаждаясь выпитым, пояснила:

– Чувствуешь – букет. Ну, как там наши? – прикурила от зажигалки. – Живы-здоровы? Не мешает? – указала на телевизор, на экране которого по-прежнему сексовалась группа мужчин и женщин в древнеримских тогах. – «Калигула». Шедевр, между прочим. Советую посмотреть. Но это еще успеешь. Как там мама?

Стараясь не видеть телеэкрана, Иван откашлялся и сказал:

– Да я... четыре месяца, как из Сум. Работал здесь. На стройке.

– Ах, так ты на обратке ко мне решил? Денежек заработал? Так, может, мороженым угостишь?

Иван подавился курицей и громко, до слез раскашлялся.

С сочувствием выслушав земляка, Люда, стирая маску с лица, сказала:

– Боже мой! И это у нас, в Москве!

С прихожей как раз долетело кряканье и громкое приближающееся отхаркивание.

– Женя, ты представляешь?! – окликнула мужа Люда. – Женя, иди сюда!

– Не грузи, – донеслось из прихожей. – Дай хоть отлить сначала!

И, дожидаясь мужа, ненадолго свернувшего в туалет, Люда, невзирая на всю свою искреннюю взволнованность, не забыла выключить телевизор.

– Ну? – возник на пороге кухни всклокоченный, в плавках Женя. Непроизвольно он взял со стола бутылку с остатками шампанского и жадно выпил из горлышка глоток-другой.

Люда тем временем объяснила:

– Женя, ты представляешь... Знакомься, это Ваня Ракитин, мой земляк. Он к нам на заработки приехал. Работал здесь по соседству: Вторая Лесная, десять. Так вот, он рассказывает, будто у нас на стройке денег рабочим не платят! А бьют их и выгоняют. Без паспорта, представляешь?!

Облегченно отрывая шампанским, Женя поставил пустую бутылку на стол и лениво протер глаза:

– Ну.

– Нужно немедленно что-то делать! – разволновалась Люда. – Это же безобразие! – потянулась она к телефонной трубке.

Женя кивнул, вышел за двери кухни и стукнул по выключателю кулаком.

Из выключателя перед ванной посыпались брызги искр.

– Черт! – чертыхнулся Женя. – Да когда же все это кончится?! Почему до сих пор электрика не вызвала?!

– А ты чего на меня орешь?! – осадила супруга Люда. – Кто в доме мужчина: ты или я? Почему это я должна об электриках думать?

– Потому что я денежки зарабатываю! – в досаде взревел супруг. – А ты дома сидишь! Могла бы хоть о чем-то побеспокоиться! А не одну же порнуху круглый день.

– Да ладно тебе! – отмахнулась Люда и, замечая, как Иван вскочил и молча направился в коридор, спросила: – Ваня, а ты куда?

– Где тут у вас пробки? – повернувшись к Люде, спросил Иван.

– А ты что, в электрике соображаешь? – поинтересовался Женя.

И вот уже тот же Женя, только чисто выбритый и одетый в черное длиннополное пальто, застегивая портфель, сказал Ивану:

– Ты это... дождись меня. Твой мастер, как ты там говоришь? Петренко? Ладно. Придумаем что-нибудь, – и он, выходя за дверь, прокричал через всю прихожую сидящей на кухне перед телеэкраном Люде: – Буду после восьми. Дашь там Ивану тысчонку-две: пусть пробки и лампочек нам подкупит.

Люда кивнула только, а как только за Женей закрылась дверь, улыбнулась Ивану:

– Ну, вот и прописался. Садись посмотри кино. Женечка всё уладит. Может, еще шампанского?

– Нет. Я лучше за лампочками схожу, – надевая свой старый свитер, из прихожей сказал Иван.

– Выбрось ты эту гадость, – брезгливо скривилась Люда и, не сходя со стула, указала Ивану пальчиком на встроенный шкаф в прихожей. – Возьми там Женину курточку.

Раздвинув дверцы шкафа и оказавшись перед кучей-малой вещей, Иван растерянно спросил:

– А какую?..

– Любую! – с раздражением ответила Люда. – Что приглянется, то и бери. Он всё равно их давно не носит. А деньги возьми на шкафчике. Там, в большой комнате, в коробке из-под трюфелей.

Поздним вечером шофер подвел Женю к железной двери, сунул ключ в замочную скважину и положил руку шефа на ключ:

– Провести?

– Сам, – отмахнулся Женя и провалился за дверь – в прихожую.

– Как я люблю мою мамочку! – под стоны сексующихся на телеэкране, подбородком откнувшись во влажные кулачки, а локотками – в стол, пьяно икнула Люда. – Боже, как я ее люблю, свою маму...

В прихожей раздался грохот.

– У, – раздраженно сказала Люда, поворачиваясь на грохот. – Пойди отнеси его в нашу спальню.

Вынув из стиральной машинки очередную порцию выстиранного белья, Иван отложил его на уже чисто вымытую раковину под развешенные над нею простыни и, направляясь во тьму прихожей, ответил Люде:

– Иду!

Чисто вымытая прихожая вмиг озарилась светом. Со снятой туфлей в руке и со сбившимся на затылок галстуком на пороге похрапывал пьяный Женя.

Подхватив его под руки, Иван потащил его прямо в спальню.

Пока он укладывал Женю на белоснежные простыни, тот на мгновение пришел в себя и, ткнув пальцем в пиджак, сказал:

– Там – паспорт. И денежки за работу. Возьми. Это всё – твоё.

Забравшись в боковой карман Жениного пиджака, Иван достал из него свой паспорт и кучу скомканных сторублевок.

– Но здесь слишком много денег, – пересчитал он купюры.

– Денег слишком много не бывает, – не открывая глаз, глубокомысленно подытожил Женя и прояснил затем: – А это тебе премиальные. От Петренко. И низкий поклон от всех земляков.

Отчитавшись перед Иваном, Женя тотчас же захрапел.

Зато в двух шагах от койки появилась в дверном проеме пошатывающаяся Люда. Прижимая к бедру бутылку с недопитым на треть шампанским, она, опершись о дверной косяк, сказала:

– У, нажрался, алкаш несчастный, – и икнула: – Конченный.

В следующую секунду она как стояла с полупустой бутылкой у бедра, так тут же и повалилась. Благо, пол был укрыт ковром с высоким меховым ворсом.

Подхватив Люду под руки, Иван уложил её плечом к плечу с супругом. После чего, выключив в спальне свет, вернулся назад в прихожую.

На задымленной грязной кухне Иван приоткрыл форточку. И пока помещение проветривалось от дыма, собрал со стола в раковину месяцами не мывшуюся посуду, вытряхнул из пепельницы гору окурков в ведро с мусором. И, перебив тарелки, аккуратно расставил их на полках дорогого импортного кухонного буфета.

Одна из дверец буфета все никак не желала закрываться. Тогда Иван, исследовав неисправность, но так и не найдя ни в столе, ни в ящичках буфета отвертку, закрепил болтики на завесе дверцы самой обычной вилкой.

После этого он собрал со всей кухни пустые бутылки из-под шампанского и рассовал их по двум мешкам для мусора. Протер тряпкой стол, выключил телевизор. И в тишине уже,

посреди чистой, убранной и хорошо подметенной кухни, вынул из сумки черный пакет с фотографиями и рисунками Незнакомки: разложил их на столике, неспешно пересмотрел. И, снова сунув рисунки и фотографии в пакет, а пакет – в сумку, прилег на покрытый ковром диванчик и с головой укрывшись кожаной Жениной курточкой.

И приснился Ивану сон: будто бежал он с толпой народа по глухим незнакомым улицам. А за ними, – немыми от ужаса и отчаянья, – как бы парили в воздухе железные пауки с длинными и прозрачными хоботками. То один, то другой из монстров лениво и как бы нехотя наступал зазевавшихся беглецов: того – у ларька мороженщика, другого – у стадиона. И всякий раз, наступая жертву, паук вонзал жало в грудь или в голову человека, и тогда по прозрачному хоботку железного насекомого начинала толчками струиться кровь. Когда же от человека оставался только полупрозрачный труп, паук оставлял его посередине улицы и устремлялся в погоню дальше.

Вскоре все улицы городка были утыканы множеством полупрозрачных трупов. На глазах эти трупы медленно наполнялись дымом и мало-помалу превращались в таких же точно поблескивающих металлом железных пауков с прозрачными хоботками, которые только что их ловили. Стремительно разрастаясь, армада монстров устремлялась по воздуху за все более редевшими группками живых, испуганно мечущихся людей. Казалось, ещё немного – и живых людей в городе не останется.

Но тут вдалеке, за пустынной площадью, по которой бежал Иван, промелькнула между домов знакомая Незнакомка. Она позвала за собой живых. И тот, кто рискнул побежать за Нею (а таких оказалось всего лишь трое: Иван да и еще два парня), вскоре оказались на окраине мертвого города прямо перед входом в каменную пещеру.

В последний раз поманив за собой бегущих, Прекрасная Незнакомка скрылась во тьме пещеры.

Попутчики Ивана на миг замешкались. Один из них, оглянувшись назад на монстров, рванулся и побежал направо, – в роскошный дремучий лес, голубевший до горизонта. Другой же свернул налево, – там, на взлетно-посадочной полосе, гудел готовый вот-вот взлететь реактивный лайнер.

И только один Иван не раздумывая поспешил в западную пещеру.

Уже убегая в темень, краем глаза он рассмотрел, как оба его товарища, – как тот, что метнулся в лес, так и тот, что двинулся к самолету, – с разбега резко остановились. По всей видимости, оба они влипли в голографические изображения леса и самолета и, поджидая монстров, в ужасе затрепетали в нём. Пауки же, напротив, явно смакуя предстоящую экзекуцию, пошли к паренькам уже медленно и неспешно, спокойным и ровным шагом.

Иван ускользнул во тьму.

В темноте послышался шум воды.

От этого звука Иван проснулся.

Рядом с ним, свернувшись в калачик на диванчике, стоял над раковиной взъерошенный, в плавках Женя. Залитый ярким солнечным светом, он морщился от головной боли и жадно пил из чашки воду.

Иван сел.

– Слушай, старик, – отставляя пустую чашку, обратился к Ивану Женя. – Сгоняй за пивом. А то эта алкоголичка все шампанское вчера выжрала.

Иван утвердительно кивнул, поднял с дивана курточку и принялся одеваться.

– О! Моя! – указал на курточку Женя.

– Мне Люда дала, – с неловкостью пояснил Иван.

– Ну и правильно, – успокоил его хозяин апартаментов. – У меня этого барахла столько... Можешь хоть всё забрать. Я на охоту больше уже не езжу. Мой новый босс подводной охотой увлекается. Ну, и мне приходится соответствовать.

Женя сидел на кухне, пил из бокала пиво и потирал виски:

– Хорошо. Очень хорошо. Отлично.

На сковородке шипела яичница. Когда она как следует прожарилась, Иван выключил газ, выложил яичницу на миску и вместе с кусочком хлеба протянул ее Жене:

– Поешьте вот. А то ещё язва может.

– Хм, съедобно, – попробовал кушанье Женя. – А рубашку погладить – нэ?

– Почему? Могу, – с готовностью встал Иван.

– Она в спальней там – за кроватью, – уплетая яичницу, крикнул вдогонку Ивану Женя. – А утюги – в гостиной. Смотри только Людку не разбуди. А то вони не оберешься.

Уже одетый в хорошо отутюженную рубашку, как всегда, чисто выбритый и подтянутый Женя оценивающе взглянул на рукава рубашки.

– А что, нормально, – сказал Ивану. – Да ты у нас супермен! А евроремонт потянешь? А я тебе заплачу штуку баксов. Что нужно, напиши на бумажке, купим. Обои там, ручки новые, паркет. Прямо сегодня и начинай.

Затем Женя подхватил портфель и, поправив в прихожей галстук, уже выходя за дверь, подмигнул Ивану:

– И Людке тут помощи. Тоже, естественно, не бесплатно. Вот тебе сотенка на мороженое. А там уж как-нибудь разберемся. Ладно, гудбай. До вечера.

Солнце стояло уже в зените, когда встала с постели Люда: зевнула, неспешно прошла на кухню, включила, естественно, телевизор. Затем поставила на конфорку чайник, сняла с полки шкафа пустой бокал и распахнула дверцу огромного холодильника.

И только тут проснулась.

– Пиво? – раздраженно достала с полки запотевшую бутылку «Баварского». – А где шампанское? – огляделась по сторонам. – Ну, это уж чересчур! – заметила три шеренги пустых бутылок из-под шампанского, аккуратно выставленные под раковиной. – Сам подарил и выпил! Козел! – с бутылкой «Баварского» и пустым бокалом направилась к телефону.

Привычным жестом откупорив бутылку с пивом, Люда наполнила им бокал и набрала телефонный номер:

– Сегодня пиво, завтра лимонад... Видно, пора тебе, дорогой, рожки обновить.

Из телевизора разнеслось монотонное бормотание телекомментатора. И одновременно с ним из гостиной послышался скип паркета.

Люда насторожилась. Положив телефон на стол, Люда вынула из кармана газовый пистолет и, сбросив по ходу движенья шлепки, босиком поспешила к двери в гостиную.

Решительно распахнув дверь настежь и сразу став в позу крутой шерифши из американского боевика, Люда нацелилась на Ивана, как раз вымерявшего высоту обоев:

– Руки за голову! На колени!

Стоя на табурете с метром в одной руке и с карандашом и бумажкой в другой, Иван удивленно взглянул на Люду. Та же, видя его, домашнего, в спортивных штанах и в тенниске с заплатой на боку, тут же расслабилась, опустила руки и весело рассмеялась:

– А, испугался! Признайся, что испугался!

Иван лишь пожал плечом и продолжил свои обмеры.

Тогда Люда села в кресло и поинтересовалась:

– А что это ты тут делаешь?

– Меряю.

– Зачем? – прикурила от зажигалки Люда. – Перебрал вчера, да? Белочка начинается? Так вот кто, оказывается, все мое шампанское вылакал! А еще и краснел, как детка. Да ты шалапут, земля.

– Женя попросил меня ремонт вам в квартире сделать, – спрыгнул с табурета Иван. – Паркет перестлать. Обои. Одним словом, всё тут обмерить и обновить.

– А, – кисло сказала Люда и вдруг зажглась: – А что, это идея! Сейчас я немного почищу перышки, и мы с тобой вместе пойдем выбирать обои.

Одетая, будто леди в американском фильме, Люда вела роскошную иномарку. Иван сидел рядом, поглядывал в окно. Сквозь темные стекла очков Люда взглянула на задумавшегося попутчика и вдруг врубила магнитофон.

В салоне взревела музыка.

Иван поневоле взглянул на Люду.

– Не мешает? – спросила та и предложила Ивану черную сигарету: – Будешь?

– Я не курю, – ответил Иван и вновь посмотрел в окно.

– Молодец, – затянулась Люда. – Я тоже долго не курила. Пока в балерины метила. А потом закурила как-то. И не жалею. Иначе чем бы я занималась, пока мой благоверный отмывает свои миллионы.

– А кем работает Женя? Коммерсант?

– Можно сказать и так, – выпустила Люда колечком дым и вдруг сообщила:

– Бандит он. О Солнцевской мафии, надеюсь, слышал? Так вот, он ее главарь. Страшно? Иван лишь пожал плечами.

– Бойся меня, бойся! – весело сказала Люда и рассмеялась. – Да пошутила я. Клерк он обычный. Болванчик со Старой площади. Ладно. Приехали. Вылазь.

Машина мягко остановилась у современного супермаркета. Рок, поутихший было во время беседы Ивана с Людой, снова резко усилился. И пока Люда в сопровождении Ивана гордо ходила по магазину, пока она с помощью услужливых продавцов выбирала нужные ей обои, дверные ручки и прочую мишуру, необходимые для ремонта, музыка все звучала.

Все более нагружаясь купленными вещами, Иван, словно ослик, ходил за Людой. А потом они распрощались с улыбочивым продавцом, и роскошная иномарка унесла их обратно к дому.

Только уже в квартире музыка резко стихла. И в тишине уже, падая на ковер с высоким ворсом и высоко поднимая ноги, Люда скомандовала Ивану, копошившемуся в прихожей:

– Ты пока разгружайся, а я немного помедитирую.

Переодетый уже в рвань Иван снес к окну обои, выставил банки с клеем. И, покосившись на двери в ванную, – оттуда был слышен плеск воды, – набрал телефонный номер.

С противоположного конца провода донесся голос Ивановой матери:

– Да? Я вас слушаю.

– Мама, привет. Ну как ты там? – спокойно спросил Иван.

– Да мы – ничего. Нормально. Володя нам помогает. Он хочет что-то тебе сказать. Володя – Ваня.

Видно, только что возвратившись из магазина, Володя поставил две сумки на пол и быстро прошел к столу, за которым стояла Иванова мать, и взял у неё из рук телефонную трубку:

– Привет. Что-то ты там пропал. Ну ладно-ладно – не оправдывайся. Я вот что хотел сказать. Сразу же за тобой уехала поступать в Москву моя мелкая – Ольга. Ничего себе маленькая!

Да она повыше тебя уже! Ну так вот: в институт она, скорее всего, не поступила, но и в Сумы не возвращается. Встретишь – гони домой.

Иван замешкался:

– Ну, если узнаю...

– Как это «если узнаю»?! – вскипел Володька. – Вы же с нею по десять раз на дню виделись.

– Ну, виделись, – согласился Иван и заключил смущенно: – Хорошо, я попробую. Если встречу.

– Вот это уже теплее. Почему матери денег не высылаешь? – жестко спросил Володька.

– Володя, не надо! – одернула его мать Ивана. – Дай я, – потянулась к трубке.

Правда, в эту секунду из трубки вдруг долетели прерывистые гудки. И Володька, протягивая трубку Ивановой матери, сказал:

– Что-то оборвалось. Но он сказал, скоро вышлет.

Все в тех же спортивных штанах и в тенниске с заплатой на боку Иван доложил паркет, когда из прихожей разнеслась знакомая мелодичная трель звонка.

Находясь, как всегда, на кухне около телевизора, Люда сказала в открытую дверь в прихожую:

– Ваня, звонят!

Иван встал, вытер о тряпку руки и босиком прошлепал в прихожую.

За железной дверью стояла пятнадцатилетняя девочка с густо накрашенными губами, в кожаной мини-юбке, кожаной куртке и модных кроссовках на высокой платформе.

– Привет, – сказала она Ивану и прошла за порог квартиры. – Ты что, новый мамин бойфренд?

Иван непонимающе наморщил лоб. И тогда девочка, уже поворачивая на кухню, кивнула:

– А, ты рабсила, – и уже с кухни до Ивана, закрывшего дверь за девочкой, донесся ее же голос: – Мамик! Ку-ку! А вот и твоя Алисонька!

Иван прошлепал назад в гостиную.

На кухне же, вскакивая со стула, Люда выкрикнула на дочь:

– А ты чего без звонка явилась?! Мы же договорились: вначале ты звонишь, и только потом мы с папой уже решаем, где и когда нам встретиться.

– Мамик, не грузи, – отмахнулась девочка, садясь к телевизору на диванчик. – Что мы тут? – и, видя на экране очередную сцену из порнофильма, сочувствующе: – С папиком совсем плохо? И таблетки не помогают?

– Не твое собачье дело! – выключила телевизор Люда и раздраженно сказала: – И денег, учти, не дам!

– Так я и не за этим к тебе пришла, – искренне обиделась девочка. – Просто соскучилась. Хотела поговорить. Ну ладно, раз ты без настроения... – встала она с дивана. – Тогда я пойду, пожалуй.

– погоди, – помягчала Люда. – Может, котлетку съешь?

– А что, есть котлетка? – оживилась девочка и, потирая руки, присела на стул к столу.

Вздыхнув, Люда прошла к плите и, извлекая из холодильника кастрюли с котлетами и картошкой, сухо сказала девочке:

– Руки не забывай.

– Ах, да! – взглянула на грязные руки девочка и убежала в ванную.

Потом она жадно ела, а Люда, с тоскою следя за дочерью, выдохнула чуть слышно:

– Всё на ширку уходит, да?

– Ну что ты, мама!?! – поперхнулась картошкой девочка. – Вы ж меня с папой вылечили! Альпы. Швейцария. Свежий воздух. Это – незабываемо! Просто мы с Афанасием любим путешествовать. Дискотеки. Кафешки разные. Вот и поиздержались.

– Ах, Алиска, – вздохнула Люда. – Бедная моя девочка. Круги под глазами. Тошная. А ведь тебе-то в августе всего лишь пятнадцать стукнет. А дальше-то, дальше что?!

– Дальше? – облизнула пальцы Алиса. – Пустота! – и она громко, весело рассмеялась.

Потом так же внезапно, как начала смеяться, девочка осеклась. И на глазах превращаясь в злую, издерганную наркоманку, сказала уже серьезно:

– Ладно, мамочка, все нормально. Мне нужно двести баксов. Всего-навсего. И я исчезну.

– Надолго ли? – вздохнула Люда.

– Дня на три, – честно призналась девочка.

– А если я не дам тебе эти двести баксов, тогда что?

– Тогда мне придется кого-нибудь убить. И у вас с папочкой возникнут огромные неприятности.

– Плевать, – вдруг резко сказала Люда и отошла к окну. – Иди. Убивай. Чем скорее тебя посадят, тем лучше. Хоть немного передохнем.

– А если я тебя убью?! – подняла Алиса столовый нож и, замахнувшись им, неспешно пошла на мать.

– Прекрати. Надоела, – спокойно сказала Люда. – И убирайся вон. Ничего я тебе не дам. Ни-че-го.

– А за это? – вдруг вытащила Алиса из-под полы курточки видеокассету.

– Что это? – небрежно спросила Люда.

– Компромат, – пояснила девочка. – У меня есть одна подружка, Тоська. Она в варьете работает. Недавно купила камеру. И решила клиентов своих подсмотреть. И на этом, если получится, что-нибудь заработать. Вчера мы последнюю киноленту решили с ней просмотреть. И ты представляешь, среди всего такого вдруг вижу знакомое лицо. Батюшки, да это же мой папик. И в такой интересной позе. Мне кажется, эта кассета, если ее показать Борису Петровичу, может наделать много шума на Старой площади.

– Дай сюда, – выхватила кассету Люда и направилась к телевизору.

– Только учти, – села на стул Алиса. – Это – копия. А оригинал, если я вовремя не вернусь, завтра же утром окажется на столе у папиного начальника.

С презрением и досадой взглянув на дочь, Люда включила видеомagneтофон.

По стеклам окна барабанил мелкий осенний дождик. Вдали, в свете зажженного фонаря, под облетающими деревьями, бригада женщин-маляров в замызганных телогрейках погружала в микроавтобус пакеты с грунтовкой и банки с красками.

Стоя возле окна, Люда в задумчивости курила. А когда из прихожей донесся щелчок замка, она загасила окурок о пепельницу и, взяв пульт дистанционного управления телевизором, отхлебнула шампанского из бокала.

Как и обычно, явно навеселе в прихожую грузно ввалился Женя. Не переобувшись в тапочки, он решительно двинул на свет – в гостиную.

Гостиная явно преобразилась к лучшему. Новый паркет блестел. Белые, в тон паркету, обои приятно ласкали взор. Новая люстра с тремя светильниками, новые «золотые» ручки, новые выключатели умиротворили Женю. И он, обращаясь к застывшему посреди гостиной в драном спортивном трико и старенькой тенниске с оторванными предплечьями босоногому Ивану, икнув, похвалил его:

– Нормально. Люда, ты видела, что этот змий ущутил?! – бросая портфель под дверь, направился Женя через прихожую к повороту на кухню.

Прямо с порога кухни, доверительно обращаясь к смотрящей телевизор Люде, Женя шепнул жене:

– Пожалуй, я заплачу ему две тысячи баксов. Как думаешь?

Люда курила, пила шампанское и неотрывно следила за телеэкраном.

– Что тут, кино? – перевел взгляд на экран и Женя. – Порнушка. Что-то новенькое?

Внезапно Женю перекосило.

– Забавно, да? – покосившись на мужа, вдруг весело рассмеялась Люда.

Видя ее реакцию, Женя несколько осмелел:

– А откуда у тебя это?..

– Алисонька принесла, – объяснила Люда. – Продала мне. За двести баксов. В среду вторую серию занесет. Говорит, там ещё забавней.

– Сучка! – вскипел вдруг Женя. – Говорилось, давай долечим! Нет же: купи квартирку, может, она одумается. Героинчики не одумываются! Сейчас мы Сергеичу позвоним, – направился к телефону Женя. – Он ее живо в Швейцарию перебросит, – стал набирать он номер. – Ах ты дерьмо собачье. Родителей шантажировать! Слушай, а может, мы ее в монастырь спровадим? Куда-нибудь под Иваново? Или лучше на Соловки. Пускай с ней монашки мучаются. Все равно им там делать нехрен. А мы отстегнем на храм. Пора уже и о душе подумать.

Улыбаясь, Люда тщательно загасила очередной окурочек о пепельницу, потом подняла телефон и со всего размаха опустила его на макушку мужу.

– Люда, ты чего? – схватился Женя за голову. – Так ведь и убить недолго.

– Неужели? – едко сказала Люда. – А я думала, тебе приятно.

– Да это же ерунда, – кивнул Женя на экран телевизора. – Так надо было. Для дела. И это – всего лишь секс. Но люблю-то я все равно одну тебя.

– Скотина! – схватив подвернувшуюся под руку пепельницу с окурочками, метнула её Люда в мужа.

– Спокойно, Люда, не нервничай! – отбивая рукою пепельницу и отступая к ванной, попробовал урезонить супругу Женя. – Квартира моя. Так что не очень-то увлекайся!

– Ах ты, гнида, – схватив с холодильника бюст Некрасова, метнула им в Женю Люда.

Уходя от жены в глубину квартиры, Женя затараторил:

– Людочка, успокойся! Мы же с тобой интеллигентные люди. Всегда можем договориться.

– Пшел вон, гад! В спальню! – злобно взревела Люда. – Сиди там и не высовывайся. Пока я не придумаю, что мне с тобою сделать.

– Хорошо, – отступил за дверь спальни Женя. – Только ты не пори горячку. И помни: Алиса нас не оставит.

Сбоку от Люды, за открытым дверным проёмом, проскрипел паркет.

Невольно взглянув в ту сторону, Люда увидела замершего посреди гостиной босоногого земляка в заляпанных клеем спортивных штанах и в грязной, в белилах, тенниске с оборванными предплечьями.

– Иди сюда, – сухо сказала Люда и первой прошла на кухню.

Вытирая о тряпку руки, Иван прошлепал босиком за Людой.

Присев у стола на стул, Люда наполнила два бокала шипящим, с искорками шампанским и, указав на соседний стул, сказала Ивану:

– Присаживайся, Ванюша.

Стыдливо пряча босые ноги за ножки стула, Иван сел.

– Ну что земляк: выпьем за твой ремонт? – взяв один из бокалов в руку, указала Люда Ивану на тот, что стоял ещё на столе. – Даже не ожидала, что в нашей дыре водятся такие евроремонтчики. Удивил!

– Может, не надо пить? – потупившись, предложил Иван. – Этим горю не поможешь.

– Какому горю? – удивленно взглянула на парня Люда и, держа у лица бокал, томно, с улыбочкой спросила: – Разве я похожа на убитую горем домохозяйку?

– Нет, но... – заерзал Иван на стуле и поставил бокал на стол. – Лучше не надо.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Люда, ставя бокал на стол. – Мне тоже не нравится на пьяную голову.

Затем она поднялась со стула и поманила Ивана за собой в прихожую:

– Иди сюда.

Иван поневоле встал и с неохотой прошел за Людой.

– Иди-иди – не бойся, – открыла Люда дверь в ванную комнату и, щелкнув там выключателем, удивилась: – О, включилось! Наконец-то в доме мужиком запахло.

Из спальни тем временем донеслось:

– Люда, я писать хочу. Можно мне выйти?

– Сидеть! – крикнула Люда мужу, Ивану же предложила: – Входи, не бойся. Что, я такая страшная? – прильнула она вдруг к парню, одной рукой открывая воду, а другой запирая дверь и начиная стаскивать с Ивана тенниску. – Давай-ка мы снимем всю эту гадость. Сейчас я тебя помою.

– Не надо, – отпрянул к двери Иван.

– Надо, – стащила Люда с Ивана тенниску и запустила руку ему в штаны.

– Людмила Сергеевна, что вы делаете!?! Опомнитесь! – крепко схватив хозяйку квартиры за руки, брезгливо вытолкнул её руку из своих шаровар Иван.

– Старуха я, да? – догадалась Люда и, сузив глаза, кивнула: – Тебе со мною противно?

– Не в этом дело, – сказал Иван, нащупывая задвижку, на которую Люда замкнула дверь.

– И в этом – тоже! – холодно прохрипела Люда и вдруг, разорвав на себе халат, пронзительно и громко завизжала: – Женя! Женечка!!! Спаси, насилует!

Наконец-то открыв задвижку и спиной вперед выходя из ванной, Иван в ужасе огляделся.

И именно в этот миг, вылетая из спальни комнаты, на него, растерянно озирающегося, налетел с кулаками Женя.

– Женя, он хотел меня изнасиловать! – выскакивая из ванной, метнулась к супругу Люда. – Выгони его. Немедленно! – умоляюще заглянула она в глаза нависающему над ней супругу.

Секунду-другую поразмыслив, Женя набычился и сказал Ивану:

– А ну пошел отсюда. Давай-давай! – схватил он Ивана за руку и, подтащив его, даже не упирившегося, к входной двери, вытолкнул в шею на лестничную площадку. – Пошел! – захлопнул за парнем дверь.

Босой, в одних рваных спортивных шароварах оказавшись вытолкнутым на лестничную площадку, Иван прохрипел в закрывающуюся дверь:

– Фотографии!

– Чего? – на секунду замялся Женя.

– Там, в гостиной на подоконнике, черный пакет лежит. Если можно, верните, а?!

Женя захлопнул дверь, но вскоре вновь распахнул её и, бросив в Ивана черным пакетом с фотографиями и рисунками так, чтобы слышала Люда, выкрикнул:

– И дуй отсюда, пока я добрый! Ты меня понял, а?!

– Да-да. Спасибо, – собирая с пола высыпавшиеся из пакета снимки, спокойно кивнул Иван.

– То-то же! – буркнул Женя и, уже удаляясь за дверь, сказал: – Пададь неблагодарная!

На улице было темно и сыро. Дул ноябрьский промозглый ветер, сеял холодный дождь, местами переходящий в снежную крошку.

В одних шароварах, прижимая к груди пакет, Иван застыл у двери подъезда и огляделся по сторонам.

За асфальтом дороги, на обочинах тротуаров, поблескивал талый снег. Редкие прохожие, прячась под зонтики или кутаясь в поднятые воротники плащей, пробегали мимо Ивана, даже не замечая ни жалкого вида парня, ни того, в чем он одет. Из-за голых кустов к подъезду приблизилась немолодая женщина в плаще, с двумя огромными сумками в руках. Горбясь под тяжестью сумок, она не сразу обратила внимание на Ивана. Зато, когда обратила, в ужасе отшатнулась за дверь подъезда и только уже оттуда, из-за стеклянных окон, оглянулась на парня.

Прижимая к груди пакет, Иван беспомощно улыбнулся.

Тогда женщина успокоилась: поставила сумки на пол, отодрала кусок батона и, вынеся его на улицу, протянула Ивану:

– На.

– Спасибо, – взял Иван кусок хлеба и, надкусив его, поспешил отойти во тьму.

Босой, он шагал под дождем по лужам, а мимо него, обдавая Ивана потоками грязи из-под колес, проносились автомобили.

На одной из безлюдных улочек, в просвете между кустов, Иван увидел сидящую за окном у настольной лампы девушку-консьержку. Это была Ольга.

Так и не узнав её, Иван всё же рискнул проскользнуть за дверь в небольшой коридорчик между двумя дверьми и присел там у батареи на корточки – попробовал согреться.

Рывком отворилась входная дверь, и прямо перед Иваном, поневоле вскочившим на ноги, вырос худой долговязый мужчина в длинном плаще до пят и в шляпе с лихо заломленными полями. В одной руке он держал несколько раз надкушенное яблоко, а в другой – подрамник.

Добродушно насвистывая, мужчина в упор уставился на Ивана и, явно не зная, как поступить, протянул незнакомцу огрызок яблока:

– Будешь?

– Спасибо, я сыт, – отвернулся к двери Иван.

– Ты прав, старик: с милосердием – перебор. Каюсь, – отбросил мужчина огрызок яблока в стоявшее у двери ведро и тихо вздохнул: – Ну что же, тогда пошли.

Иван покосился на незнакомца, однако встать не стал. Тогда мужчина сказал с улыбкой:

– Не бойся. Я с мальчиками не сплю. Меня больше девочки вдохновляют.

И он, потрепав Ивана по плечу, добавил:

– Давай-давай.

Иван помаленьку встал.

– Пойдем, – повел мужчина его в прихожую, где снова начал насвистывать.

Увидев полуобнаженного, мокрого от дождя Ивана, Ольга от неожиданности застыла.

– Ничего особенного. Натурщик, – успокоил ее мужчина и, проводя Ивана в полуподвал, под лестницу, поинтересовался: – Ну как, Оленька, приживаемся? Больше никто вас не обижал?

– Спасибо, Валерьян Сергеевич. Все нормально, – тихо сказала Ольга и, оседая на стул, в конус света настольной лампы, нацепила на нос очки.

– В таком случае зубрите свою математику, госпожа Ковалевская. Не будем вам мешать, – улыбнулся Ольге мужчина и, открыв навесной замок на оббитой алюминием двери под лестницей, пропуская Ивана в темень, шепнул ему: – Прошу вас, сударь.

Как только Иван сделал шаг за дверь, мужчина провернул тумблер.

Темнота за открытой дверью озарилась зеленовато-красным, непонятно откуда идущим светом. И прямо перед Иваном вырос улыбающийся скелет, согнувшийся в позе встречающего хозяина лакея.

Поневоле Иван отшатнулся назад – к двери.

– Пардон, – переключил тумблер Валерьян Сергеевич, и зеленовато-красное освещение сменилось в полуподвале обычным – желтовато-белым.

Вдали, над покрытыми черным бархатом диваном, столом и креслами (все они были завалены пустыми бутылками и тарелками), сияла огромная старинная хрустальная люстра. Она освещала черные стены полуподвала со множеством странных полотен, висящих, стоящих и сложенных в штабеля во всех углах помещения. На каждой картине была мастерски воспроизведена сценка из какого-нибудь всемирно известного шедевра живописи. Только вместо людей на картинах везде фигурировали скелеты.

Скелеты стояли и по всей мастерской художника. Здесь – в позе женщины, подкрашивающей у зеркала ресницы. Там – в позе Скупого Рыцаря, чахнувшего над горою мусора.

Дав секунду-другую на осмысление ситуации, Валерьян Сергеевич спросил у Ивана:

– Переварил?

Иван лишь кивнул в ответ.

– Тогда проходи к столу, – провел его Валерьян Сергеевич к захламленному столу и, сняв там со спинки кресла дорогой махровый халат, бросил его гостю:

– Накинь. А я пока чай поставлю.

Потом они пили чай. И Иван, одетый в халат художника, жуя бутерброд, спросил:

– Вы что, сатанист?

– А ты ангел, спустившийся с неба судить меня? – в тон ему парировал Валерьян Сергеевич.

– Нет. Я просто Иван, – поперхнувшись чаем, закашлялся Иван.

– Ну да, конечно. Как же я сразу не догадался, – протянул Валерьян Сергеевич. – Только просто Иван станет разгуливать по Москве в конце ноября в одних подштанниках. А это что у вас за пакетик? Можно? – взял он из-под руки у Ивана черный фотопакет и, отодвинув в угол дивана пустые бутылки из-под вина, вытряхнул на освободившееся пространство фотографии и рисунки Таинственной Незнакомки:

– А что, талантливо! И что, это все – ваши произведения? Ну что же, пожалуй, я готов приютить Вас в своей берлоге. И даже дам Вам подзаработать на хлеб насущный. Надеюсь, не возражаете?

На следующее утро в мастерской воцарилась стерильная чистота. Пыль с холстов и подрамников была тщательно вытерта; диван, стол и кресла освобождены от пустых бутылок и прочего съестного и упаковочного мусора.

Одетый в красивую байковую рубашку, в джинсы и сандалии поверх шерстяных носков Иван сидел в темноте спиной к работающему проектору, перед пустым холстом. Из проектора на холст проецировалось всемирно известное изображение Джоконды, а Иван, попивая из чашки чай и закусывая его сухариками, аккуратно и не спеша переносил все детали изображения на картину.

Рядом с ногой Ивана стоял японский магнитофон. Из него разносилась тихая органная музыка Баха.

Вдали распахнулась дверь, а за спиной у Ивана зажглась хрустальная люстра. Свет проявил все линии, нанесенные ранее на холсте. Это была точная копия Джоконды, но только вместо лица женщины зияла пока ослепительная белизна грунтовок.

Одетый в дорогое черное пальто и вязаную шапочку, в мастерскую вошел Валерьян Сергеевич. Он ввел за порог очень красивую сорокапятилетнюю женщину в собольей шубе и сапогах на высоких каблуках:

– Привет, Ванюша. Не помешали? Позвольте, – помог Валерьян Сергеевич снять шубу женщине и, бросая ее на кресло, представил женщине Ивана, а Ивану – женщину: – Это – Леночка, будущая Джоконда. А это – просто Иван, мой ученик и соавтор.

– Какой там соавтор, – снимая с подрамника фотографию Незнакомки и пряча ее в пакет, встал навстречу гостям Иван.

– Да уж какой ни есть, – сказал Валерьян Сергеевич и улыбнулся. – Ну, как кино? Не понравилось? Или опять заработался и не посмотрел? Так не пойдет, Ванюша. Ты теперь человек искусства, просмотр арт-новинок – твоя обязанность. Тем более фильм-то стоящий. Вот тебе десять долларов, ступай и немедленно просмотри. Можешь для солидности госпожу Ковалевскую пригласить. Она девушка неплохая, скромная. Правда, со вкусом пока проблемы. Вот ты ее и развивай. Художник должен служить народу.

– А что за кино? – поправляя рядом со скелетом волосы перед зеркалом, спросила женщина.

– Да так, фантастика. Ты такого не любишь, – сказал Валерьян Сергеевич, выставляя на стол бутылку шампанского и выкладывая нарезку сыра и сервелата.

По пути надевая курточку, Иван пошagal к двери. У вешалки натянул кожаные ботинки, на голову надел вязаную шапочку. И, став похожим на стопроцентного москвича, сказал:

– Ну, я пошел.

– Свет можешь выключить, – сказал Валерьян Сергеевич и, включая ночник, добавил: – Часика через три я тебя буду ждать. Смотри не перегуляй. А то я буду ОЧЕНЬ за тебя волноваться. Очень.

– Понял, – выключив верхний свет, вышел за дверь Иван, а Валерьян Сергеевич, потеряв ладошки, улыбнулся женщине:

– Ну что, дорогая: по фужеру шампанского – и вперед?

– Наливай, – улыбнулась женщина и, снимая с вешалки полотенце, проходя в душевую кабинку, выдохнула: – А я пока душ приму.

Как только Иван вынырнул из-под лестницы, Ольга, сидя все там же, за столом консержки перед настольной лампой, подняла глаза от книги и надела на нос очки:

– В кино?

Иван лишь кивнул в ответ и прошел мимо Ольги к выходу из подъезда.

– Я дверь закрывать не буду, – сказала вдогонку Ивану Ольга.

– А я к десяти вернусь, – не оборачиваясь, ответил Ольге Иван и вышел за дверь на улицу.

Иван бродил по вечерней Москве, заглядывал в лица женщин, в сияющие салоны проносящихся мимо автомобилей.

Всюду горели огни реклам. Столица готовилась к встрече Нового года. Там и тут попадались прохожие с елками. Бодро поскрипывал снег под подошвами. Всюду слышался женский зазывный смех. За витринами магазинов перемигивались фонарики. Люди казались приподнято-возбужденными, даже, пожалуй, счастливыми.

Потом в витринах магазинов стали снимать гирлянды, а на обочинах тротуаров все чаще начали попадаться одиноко брошенные елки с одной-двумя игрушками на сухих полуосыпавшихся ветвях.

Возвратясь в мастерскую с двумя тяжелыми сумками, Иван встретил Валерьяна Сергеевича лежащим на диване. В клубах густого папиросного дыма художник кутался в одеяло, смотрел в потолок и курил. Всюду опять появились миски, утыканные окурками, валялись пустые бутылки из-под вина, женские колготки, трусики.

Поднеся сумки с продуктами к холодильнику и начиная раскладывать пакеты с едой на полки, Иван поинтересовался:

– А вы что, и сегодня никуда не пойдете?

– Я тебе мешаю? – раздраженно спросил художник.

Иван лишь повел плечом и, продолжая загружать холодильник продуктами, спросил помягче:

– Может, откроем форточку? А то душно.

– Успокойся, – сказал художник и отвернулся лицом к стене. – Это еще не та духота, Ванюша. С этой мириться можно. А вот когда изнутри сдавит, тогда никакая форточка не поможет.

Иван разложил продукты по полкам и, закрыв холодильник, встал:

– Леночка звонила. И Валя – продавщица из супермаркета – о вас расспрашивала. И эта, рыженькая, ну, первая Джоконда.

– Ты что, издеваешься надо мной? – вскочил с подушки Валерьян Сергеевич и ткнул указательным пальцем в холст: – Вон моя Джоконда!

С полотна на Ивана из одежд Джоконды смотрел улыбающийся череп.

– А зачем вы все время черепа рисуете? – спросил Иван.

– А я что, по-твоему, – прокладки должен рисовать? Тампаксы?

– Зачем тампаксы? Лицо. Ну, что нравится.

– А если мне это нравится, – указал Валерьян Сергеевич на череп на полотне Джоконды. – Вот я и изображаю свою любимую. А твоя что, к другому ушла, Ванюша? А ты по ней сохнешь?

– Я с ней пока не знаком, – ответил Иван.

– А фотографии? Рисунки? – поднялся на локте Валерьян Сергеевич.

– Случайно, – объяснил Иван. – Вначале она мне снилась. А потом я ее увидел, когда торговал пирожками у нас на станции. Только сфотографировать и успел. Стоянка поезда две минуты.

– Так ты даже её не знаешь? – искренне удивился Валерьян Сергеевич. – А вдруг она стерва, Ваня? Или солдафон в юбке? Ванюша, как же можно молиться на незнакомку? Это же безобразие!

Иван потупился.

– Так ты ее ищешь? – догадался Валерьян Сергеевич.

Иван кивнул.

– Понимаю, – сказал художник и вновь повалился навзничь. – Я тоже когда-то любил до одури. А она оказалась сухой. С моим лучшим другом, Валеркою Бакиным, уехала в Баден-Баден. С тех пор я их всех «люблю». И они, естественно, меня тоже. Потому что баба – это не человек, а твоё отражение в черном зловонном зеркале. Ты к ней с душой, она к тебе жирной попой. А ты к ней – тем самым местом, и она, пусть на день, твоя. «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка». Кто написал, знаешь?

– Не-а, – сказал Иван.

– Лермонтов, – просветил его Валерьян Сергеевич. – Классику знать надо. А иначе так и будешь мечтать тут о невозможном, пока кто-то другой, попроще, будет иметь твою Мону Лизу, как последнюю фотомодель по вызову.

За витриною магазина молоденькие продавщицы меняли зимние вещи на манекенах на демисезонные.

Проходя мимо, в одной из девушек-продавиц, возившейся с манекеном, Валерьян Сергеевич узнал Иванову Незнакомку. На мгновение задержавшись возле витрины, он постоял, подумал и, лениво вздохнув, завернул за дверь в крошечный супермаркет.

По залитой солнцем улице бойко бежали по лужам люди, когда Валерьян Сергеевич за витриною магазина приблизился к девушке – точной копии Ивановой Незнакомки. Взявшись за кончик шляпы, он что-то любезно сказал ларечнице. Та, покраснев, ответила. Тогда Валерьян Сергеевич, продолжая, по-видимому, расточать комплименты девушке, достал из бокового кармана плаща визитку и протянул ее продавщице. Смущенная девушка сунула визитку в карман фирменного халата. Осторожно коснувшись ее руки и что-то любезно сказав на прощание, Валерьян Сергеевич вышел из магазина. И, уже находясь на улице, поднял шляпу и через стекло витрины указал девушке на свое запястье:

– Завтра в два.

Девушка лишь кивнула и отступила от манекена вглубь магазина.

Оставшись весьма довольным как самим собой, так и только что проведенной им операцией, Валерьян Сергеевич бодро пошел по улице. Всюду чирикали воробьи, стучала капель по лужам. И Валерьян Сергеевич, подставляя улыбающееся лицо ласковым лучам солнца, беззаботно начал насвистывать.

В мастерской, в полумраке сидя спиной к проектору, Иван аккуратно переносил контуры очередного шедевра живописи, леонардовскую «Мадонну Литту», на новый, хорошо натянутый на подрамник холст.

Рядом с ним, продолжая насвистывать всё ту же мелодию, наводил порядок, готовился к встрече с ларечницей Валерьян Сергеевич. Он убирал в ведро пустые бутылки из-под вина и водки. И, с лукавством поглядывая то на часы, то на работающего Ивана, выставил на столешницу белую розу в хрустальной вазе. Рядом с вазой на чистую, хорошо отутюженную белую скатерть он положил коробку конфет и поставил бутылку настоящего французского шампанского.

Заметив его приготовления, Иван сказал:

– Еще немножко и ухожу.

– Зачем же? – сказал Валерьян Сергеевич. – Я тебя об этом не прошу.

– Но мне надо, – сказал Иван и, включив настольную лампу, выключил проектор.

Пока он при свете настольной лампы всматривался в рисунок, нанесенный им на холсте, Валерьян Сергеевич спросил:

– А ты куда?

– Да в ЦДХа за рамой, – сняв спортивные шаровары, потянулся за джинсами Иван.

– И что, этот поход никак нельзя отложить до завтра? – недовольно поморщился Валерьян Сергеевич.

– У меня там встреча с одним фотографом, – признался ему Иван и, оставшись довольным выполненной работой, потянулся к креслу за свитером.

– Надеюсь, это ненадолго? – недовольно спросил Валерьян Сергеевич.

– Часика через полтора вернусь, – надел свитер Иван и пошагал к двери.

– Только ты не задерживайся, – предупредил его Валерьян Сергеевич. – У меня к тебе дельце одно имеется.

– Уж не день ли рождения у Вас сегодня? – надевая кожанку, спросил Иван.

– Нет. Но это – не менее знаменательно, – заинтриговал его Валерьян Сергеевич. – Дверь будет не заперта. Так что смело входи без стука.

– Добре, – кивнул Иван и проскочил за дверь.

– Да не добре, а хорошо, – поправил его Валерьян Сергеевич. – Тут тебе не Украина. Пора бы изжить уже свой акцент.

Затем он вздохнул и преобразился. Улыбка вновь расцвела на лице художника. И Валерьян Сергеевич, поглядывая на циферблат часов, снова начал насвистывать прицепившуюся мелодию.

Как только старинные часы на черной стене мастерской художника с торжественностью пробили два раза, в дверь мастерской тихонечко постучались.

Валерьян Сергеевич быстро сел на стул около натянутого холста, взял карандаш в руку и, вполоборота обернувшись к двери, сказал:

– Входите. Там не заперто.

– Можно? – заглянула в полуподвал знакомая продавщица, очень похожая на Иванову незнакомку.

Одетая скромно, по-современному: в джинсы, курточку и сапожки – она с интересом огляделась по сторонам.

– Ах, Танечка! – отбросив карандаш на этюдник, пошел ей навстречу Валерьян Сергеевич. – Я так заработался, что совершенно позабыл о времени.

– Так, может быть, я не вовремя? – с интересом разглядывая скелеты, улыбающиеся из полумрака, отпрянула к двери девушка.

– Ну что вы! – взял ее за руку Валерьян Сергеевич и, увлекая в полуподвал, отвесил заранее приготовленный комплимент: – Разве весна может прийти не вовремя?

Затем они пили чай, и Валерьян Сергеевич, открыв коробку конфет, не без изящества предложил Татьяне:

– Прошу Вас, Танечка. Угощайтесь.

Татьяна кивнула только и, запуская конфету в рот, расстегнула верхнюю пуговицу курточки:

– Жарковато у Вас.

– Боже, да я же не предложил вам даже снять курточку, – вскочил Валерьян Сергеевич и принялся помогать Татьяне снимать дорогую белую курточку. – Вот уж растяпа, право. Старый пронафталиненный холостяк. У меня, знаете ли, так редко бывают женщины, что я позабыл уже, как их и принимают.

– Тогда, может быть, я уйду? – позволяя снять с себя курточку, с улыбкой сказала Таня.

– А портрет? – повесил курточку на спинку кресла Валерьян Сергеевич. – Я тут и холст уже приготовил. Набросал кое-что. Осталось вписать лицо. И шедевр готов.

Присмотревшись к рисунку, Таня спросила:

– А это, случайно, не леонардовская «Мадонна Литта»?

– Вы весьма наблюдательны, – похвалил ее Валерьян Сергеевич и объяснил затем: – Видите ли, я художник-постмодернист. Воскрешаю шедевры старых мастеров. Но наполняю их новым содержанием.

– А так разве можно? Это не плагиат? – запуская в волосы пятерню, взрыхла их и отбросила за спину Таня.

– Конечно, нет. Ведь я нарочито на месте средневекового идеала изображу Ваше лицо. И в этом будет что-то такое – неуловимое.

Таня, порозовев, потупилась.

– Боже мой, как вы прекрасны! – тихо воскликнул Валерьян Сергеевич. – Сколько свежести, нежности, полноты чувств!

– Да бросьте Вы, – отвернулась девушка. – Давайте уж лучше... чай пить, – присела на край дивана.

– Нет-нет, вы действительно прекрасны! – вдруг опустился перед ней на колени Валерьян Сергеевич. – «Как ветка сирени, полная цветов и листьев»!

Он взял руку Тани в свои ладони и осторожно и бережно поцеловал ее. На глазах у художника задрожали слезы. И в эту секунду он стал вдруг похож на влюбленного юношу, любяще-

гося любимой. А Таня вдруг и действительно стала слегка похожа на леонардовскую Мадонну Литту.

Когда Иван с рамою на плече вернулся из ЦДХ, дверь в мастерскую оказалась незапертой, зато внутри помещения не было видно ни души. Полуподвал почти полностью утопал в таинственном полумраке. И только вдали, над столом, близ кресел, светила настольная лампа. В тусклом конусе ее света стояла початая бутылка с шампанским, два бокала с остатками искрящегося вина и лежала полупустая коробка конфет.

Не спеша Иван подошел к начатой им картине и попытался прикинуть, как его полотно будет смотреться в специально для этой цели подобранной им же раме.

Со стороны дивана донесся чуть слышный стон.

С рамой на вытянутых руках Иван оглянулся на этот стон, и лицо его как-то странно полезло немного вверх и в сторону.

Прямо перед Иваном, на диване, под навалившимся на нее художником, сладострастно прикрыв глаза, постанывала Татьяна.

Иван в изумленье вытянулся. Рама выпала у него из рук и со стуком упала на пол.

Глаза у женщины пугливо распахнулись. Увидев перед собой Ивана, Татьяна на миг опешила: мигнула раз, другой. А потом инстинктивно попыталась было оттолкнуть от себя художника:

– Валера... Валерьян Сергеевич!

– Что там еще? – оглянулся Валерьян Сергеевич на Ивана и вдруг сухо и холодно сказал: – Ну, и чего уставился? Отвернись.

Иван, как сомнамбула, медленно отвернулся. Он стоял и тупо смотрел в запыленный угол, в то время как за его спиной Валерьян Сергеевич и Татьяна встали, быстро оправили свои джинсы; и Валерьян Сергеевич так же сухо и холодно отчеканил:

– Можешь поворачиваться. Танюша, поставь, пожалуйста, чайник.

Татьяна метнулась к чайнику. А Валерьян Сергеевич указал Ивану:

– Присаживайся.

Все еще пребывая в глубоком трансе, Иван опустился в кресло.

А потом Валерьян Сергеевич, разливая по чашкам дымящий черный чай, обращаясь к Ивану и Тане, продолжил:

– Знакомьтесь. Это – Ваня, мой соавтор. А это – Таня. Или вы, кажется, уже знакомы?

Иван молча смотрел на женщину, так что Тане пришлось отвечать уже за двоих:

– Да. Это вы, по-моему, нас с девочками в Сумах сфотографировали? На вокзале?

Иван кивнул.

– И что, фотографии получились? – снова спросила девушка.

– А то! – поднялся с кресла Валерьян Сергеевич и, достав с книжной полки черный пакет с фотографиями и рисунками, бросил его на стол. – Вот плоды нашего могучего таланта! – рассыпал он по столешнице рисунки и фотографии.

– Любопытно, – принялась рассматривать портреты Таня.

– Бери. Дарю, – вдруг сгреб Иван фотографии и рисунки в охапку и протянул их вместе с пакетом женщине.

– Спасибо, – кивнула Таня. – Очень хорошие портреты.

– Да, – подтвердил Валерьян Сергеевич и принялся собираться. – Вы тут поговорите, а мне – пора. Ваня, развлекай гостью. А с Вами, значит, мы завтра в три? Ванюша, я решил Таню Мадонной Литтой изобразить. Как тебе идея? По-моему, гениально, – сам себя похвалил художник и, на ходу надевая плащ, быстрой уверенною походкой вышел из мастерской. – До завтра.

Оставшись наедине с Иваном, Татьяна сразу заерзала и тоже принялась собираться:

– О, уже половина четвертого. И мне пора. Приятно было познакомиться. Спасибо за фотографии, – надела она курточку.

– А можно я вас провожу? – вдруг вскочил Иван.

– Зачем?! – сухо спросила девушка. – Я и сама дорогу найду. Прощайте.

И она, подхватив пакет, еще быстрее, чем Валерьян Сергеевич, выскочила за двери полуподвала.

Оставшись один в мастерской художника, Иван огляделся по сторонам.

Отовсюду, изо всех углов улыбались одни скелеты да тщательно выписанные вместо лиц всемирно известных шедевров живописи – женские черепа.

Иван осторожно встал. Медленно, слегка пошатываясь, он вышел из мастерской...

...и побежал по ночному городу.

Он бежал по ночному городу, то и дело набирал полные пригоршни снега и умывался им.

Людей на улице почти не было, и только автомобили с шумом проносились по автостраде, обдавая Ивана брызгами грязи из-под колес.

На перекрестке улиц ярко светились витрины винного магазина. Иван оглядел бутылки, выставленные на полках, подумал и пошагал за дверь.

Из-за стекла витрины хорошо было видно то, как Иван, войдя в магазин, что-то сказал молоденькой продавщице и протянул ей денежную купюру. Девушка подала ему бутылку водки, кусок колбасы, четвертушку хлеба и отсчитала на сдачу немного мелочи. Иван рассовал покупки по карманам курточки и быстро вышел из магазина на освещенную фонарем безлюдную улицу.

Под деревянным грибком в сумрачной тишине детсада Иван откупорил бутылку с водкой и отхлебнул из горлышка. Сделав глоток-другой, он передернулся, как в ознобе, да заел всё выпитое колбасой и хлебом. Потом он допил из горлышка остатки блеснувшей в бутылке водки и, пошатнувшись, встал.

Рывком распахнув дверь в прихожую дома, в котором находилась мастерская Валерьяна Сергеевича, Иван оказался в знакомом холле и, пошатываясь, направился мимо Ольги к входу в полуподвал.

Впервые видя его таким, пьяным и отрешенным, Ольга приподнялась у настольной лампы и поспешила навстречу парню:

– Ваня, что с тобой?

– От винта, – грубо сказал Иван и прошагал под лестницу.

Ольга остановилась. С обидой и сочувствием она посмотрела вслед парню.

У двери в полуподвал Иван на мгновение замер. Постоял, посмотрел на дверь и отступил к лифту.

Там он нажал на кнопку и, пока дверцы лифта не распахнулись, стоял, упершись рукой в стену, да тяжело посапывал.

Затем он вошел в кабинку и надавил на кнопку самого верхнего этажа. Постоял, дожидаясь, пока лифт остановится, и снова нажал на кнопку, но теперь уже нижнего этажа.

Так он ездил туда-сюда, пока, наконец, не сполз по стене в кабинке лифта и не уткнулся подбородком в колени. Когда же дверцы лифта со скрежетом распахнулись, Иван поневоле встал и вышел к короткой железной лестнице, ведущей на чердак.

Через небольшую разбитую дверь с паутиною по углам Иван протиснулся на чердак и огляделся в темени. Рядом что-то прогрохотало. В темноте прошуршала мышь.

Зайдя за стропило, Иван осел. Скорчившись от холода, прилег на тряпку. Потом повернулся на бок и, подрагивая, заснул.

В конусе света настольной лампы Ольга попробовала продолжить чтение. Правда, читать не смогла: полистала книгу да и захлопнула, задумчиво посмотрев на лестницу, ведущую в подвал.

Оттуда вдруг вышел всклокоченный Валерьян Сергеевич. Одетый в домашний халат и в шлепки, он обратился к Ольге:

– Ваня не появлялся?

– Так он же с полчаса уже, как вернулся, – привстала со стула Ольга. – Может, на лифте куда поехал. Да-да, теперь я припоминаю: после того как он зашел к Вам под лестницу, лифт долго гудел потом, но никто не выходил и не заходил. Я еще подумала: наверное, мальчишки балуются.

– Спасибо, Оленька, – сказал Валерьян Сергеевич и пошагал к лифту.

Когда дверь на чердак открылась и полоса тусклого света из-за двери упала на стропила, Иван приоткрыл глаза, однако не шелохнулся.

– Ваня! Ты здесь?! Иван! – закрывая собою свет, спросил Валерьян Сергеевич в темноту и чиркнул спичкой.

Светом зажженной спички высветился на миг опрокинутый таз, стропила, клочки паутины во всех углах, битая черепица.

– Ваня! – еще раз позвал в темноту Валерьян Сергеевич, но так как Иван так и не шелохнулся, то художник вздохнул и вышел.

Иван остался лежать на тряпке. Освещенный косым лучом тусклого света, бьющего в щель между дверью и дверным косяком подвала, он дробно подрагивал, цокал зубами, но, скорчившийся от холода, не вставал.

Весенние лучи солнца, просачиваясь сквозь щели в крыше, осветили скорчившегося Ивана. Рядом, прижавшись к парню, посапывал взлохмаченный плешивый бродячий кот.

Когда луч солнца упал на лицо Ивану, он поморщился и проснулся. Как только он пробудился, кот тоже открыл глаза и испуганно отскочил в полумрак стропил.

Тогда Иван встал, поежился и, отряхнувшись от пыли и паутины, вышел на лестничную площадку.

Нажав на кнопку лифта, Иван долго стоял, позевывая и протирая глаза ладонью. Наконец, дверца лифта со скрежетом распахнулась, и изнутри кабинки, груженная двумя сумками, двинула на Ивана толстая разлапистая старуха.

Правда, увидев лицо Ивана, она тут же остановилась и попробовала отойти в кабинку:

– Господи, помоги!

– Не бойтесь, бабушка. Проходите, – отступил с дороги Иван и, как только старушка пугливо вышла, бочком проскользнул в кабинку.

Когда он нажал на кнопку и дверцы лифта начали закрываться, бабка с досадой выдохнула:

– Эх, такой молоденький, а с утра уже никакой.

Иван лишь развел руками, и дверцы лифта со скрежетом запахнулись.

А потом он прошел уже мимо окна консьержки. Ольги в кабинке не было. На ее месте, возле роскошной настольной лампы, сидел сгорбившийся старик и листал газету.

Когда Иван повернулся, чтобы пройти на улицу, консьерж, обратив на него внимание поверх газеты, вдруг радостно подскочил со стула:

– Ваня!

– Петрович, – узнал Иван в старике своего бывшего бригадира.

– Выжил! Без паспорта! Ну, герой! – метнулся к нему Петрович и, обняв парня, дружелюбно залопотал: – А ты, оказывается, был прав. Петренко тогда нас кинул. Слава Богу, хоть паспорта отдал. Вот тебе и земля! И верь после этого людям. Ну а ты-то – совсем москвич! Пристроился? Молодца! – с хитрецей, всепонимающе подмигнул.

– Мне надо, – попытался отделаться от него Иван.

– Ну, не серчай. И, если что, заглядывай, – выпуская его из объятий, дружелюбно сказал Петрович. – Тут и Микеша недалеко, на Бауманской, пристроился. Вот такую бабу себе надывал! – поднял он вверх большой заскорузлый палец.

– А как же его жена? Ребенок? – спросил от двери Иван.

– А что ребенок? Родился вскорости. Сын. Лешкой его назвали. В честь деда по матери, – пояснил Петрович. – Микеша Тоньке денежки высылает. Регулярно! Но и тут не теряется. А что делать? С нами ж тут, как с собаками. Вот и пристраиваются ребятки. Я бы и сам не прочь. Да уж старик, куда мне? Дежурю вот помаленьку. С поста на пост, и – ладно. Лишь бы семья жила.

Иван лишь кивнул и вышел.

Он шел по блестящим на солнце лужам, а вокруг щебетали птицы, радостно улыбались весеннему солнцу девушки; кричали, играя, дети.

Внезапно в толпе прохожих Иван вдруг **увидел** Ольгу. Одетая в старенькое пальто, с вязанным беретом на голове Ольга перебежала улицу и завернула за угол дома.

Иван поспешил за ней.

Когда он выскочил в переулок, то вдалеке, в просвете между высотных зданий, Иван увидел беленькую церквушку, окруженную палисадником. У приоткрытой калитки перед входом во дворик храма Ольга остановилась. Достав из кармана немного мелочи, она раздала по монетке нищим, сидящим на возвышении у забора. И, чинно перекрестившись, прошла за калитку в церковный двор.

Иван не спеша пошагал за девушкой.

В церкви было довольно сумрачно. Служба как раз закончилась, и редкие посетители, покидая церковь, перешептывались в прихожей.

Возле свечного ящика стоял молодой священник. И, пока Иван озирался по сторонам, батюшка терпеливо объяснял пожилой даме в шляпке:

– В вашем возрасте, матушка, пора бы уже отличать настоящую любовь от юношеской влюбленности. А уж тем более – от блуда. Любовь – тиха, скромна, не ищет своего, не злится, всё переносит, всех и всегда прощает. А ваша горячка чувств – это всё от лукавого.

Под монотонные доводы священнослужителя Иван прошел в глубину церквушки.

Всюду мерцали свечи, и пара высоких сутулых женщин в темных халатах с косынками на головах протирали подсвечники у икон. В одной из этих уборщиц Иван вдруг узнал младшенькую сестру Володьки – Ольгу. Она скромно стояла перед иконой и собирала сгоревшие свечи в ящик.

Иван не спеша прошел к девушке.

– Привет, – окликнул он младшую сестру друга.

– Привет, – улыбнулась Ольга.

– А ты чего здесь делаешь? – огляделся по сторонам Иван.

– Убираюсь, – сказала Ольга.

– Так ты же вроде бы поступать поехала?

– Не поступила, – с легким непониманием посмотрев на парня, ответила, убирая, Ольга.

– Понятно, – сказал Иван. – А чего же домой не возвращаешься? Володька просил: если встречу, гнать тебя в Сумы в три шеи.

– Ну так гони, – улыбнулась Ольга.

– И погоню... – огляделся по сторонам Иван.

И вдруг, замечая вдали большую Богородичную икону, он на секунду замер. Постоял, присмотрелся и, позабыв про Ольгу, двинулся через храм к иконе.

С иконы на Ивана смотрела Прекрасная Незнакомка: знакомое белое полупрозрачное покрывало на голове, легкая, как и раньше во снах бывало, чарующая улыбка, немного печальный взгляд. Богородица кротко, по-матерински, смотрела в упор на парня, и светлые пятнышки солнца, игравшие на её щеке, делали её лик живым, таким дорогим и близким.

Иван задохнулся от всплеска чувств и на секунду замер.

А потом была мастерская. Иван собирал свои вещи в сумку, а рядом стоял Валерьян Сергеевич, болезненно кутался в халат и поучал:

– А как ты хотел? Это – Жизнь! Женщины не выносят, когда их боготворят. Они лишь свистят о Принце. А когда с таким Принцем встретятся, бегут от него, как от чумы гороховой. И попадают в руки холодных расчетливых ловеласов, которые о них ноги вытирают.

– Да-да, я помню, – застегнув сумку, перебрал её через плечо Иван. – Вы мне об этом уже рассказывали.

– Обиделся? Понимаю, – вздохнул Валерьян Сергеевич, после чего сознался: – Ну да, я, конечно, гусь! Но я ведь её для тебя привел! А ты убежал куда-то. Вот оно по инерции и случилось. Когда-нибудь ты меня ещё поймешь. И, надеюсь, простишь, Ванюша.

– А я Вас и так простил, – с улыбкой сказал Иван. – Вы мне, действительно, здорово помогли. Спасибо, – искренне протянул он руку художнику.

– Ну, тогда и прекрасно, – явно испытывая неловкость, обменялся с Иваном крепким рукопожатием Валерьян Сергеевич, после чего, перехватив взгляд парня, ненароком брошенный им на картину Мадонны Литты с улыбающимся черепом вместо лица, сказал: – По-моему, так – честнее.

Иван кивнул:

– Вам виднее.

А Валерьян Сергеевич предложил:

– Так, может, всё же останешься? Я бы тебя своим соавтором заявил. Официально. Появился бы новый художественный тандем: Петровский и Ракитин. Деньги пошли бы. Загранпоездки. А там, глядишь, с Танею всё наладится. Она девушка хорошая, добрая. У меня глаз наметан. Прекрасной женой тебе будет. Вот увидишь.

– Прощайте, – сказал Иван. – Успехов Вам, Валерьян Сергеевич. И – Любви. Большой, настоящей, чтобы лицо у Вашей суженой появилось.

С сумкой через плечо Иван вышел из подъезда дома, в котором он прожил зиму, и, ослепленный ярким весенним солнцем, остановился.

Всюду чирикали воробьи, по искрящимся тротуарам бежали бодрые улыбающиеся прохожие, лениво катили коляски с младенцами молоденькие мамы.

Внезапно рядом с Иваном возникла Ольга.

– Привет, – сорвала она с головы берет, и ее длинные роскошные русые волосы рассыпались по пальто.

Иван посмотрел на Ольгу и **снова** узнал её:

– Так это ты тут всегда сидела? Когда ж ты успела вырасти?!

– Да вот успела, – улыбнулась Ольга и едва заметно порозовела.

– Может, пойдём соку выпьем? – предложил Иван.

– Пойдем, – согласилась Ольга, и они вместе пошли по широкой весенней улице.

Людей вокруг становилась все больше и больше. Иван и Ольга шагали в потоке прохожих, болтали о том о сем и беззаботно, радостно улыбались.

А за ребятами, отраженная в стекле одной из множества поблескивающих витрин, внимательно наблюдала знакомая Богородица в длинном белом подрячнике, с полупрозрачным белым омофором на голове. Изящно, с достоинством подняв руку, она незаметно благословила удаляющихся молодых людей. После чего повернулась и, невидимая для всех, растаяла в блесках солнца.

1990, 2000 гг.

«Студент хладных вод» **Экранизация одноименной повести А. Ф. Киреева**

«...Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих».

(1 Кор. 1, 19—21)

Солнечным летним полднем в зарослях осоки бойко журчал ручей. Над водой порхали бабочки, стремительно проносились перламутровые стрекозы. Всюду слышался шорох листьев, зуд насекомых и щебет птиц. В мелодию тихих природных звуков вплелся вдохновенный мужской голос:

– ...великость тел и малость элементов во Вселенной поражают нас мудростью своего строения, гармонией и совершенством прилаженности в своих взаимосвязях и отношениях. Вся Вселенная в своей совокупности и все мельчайшие детали ее безмолвно свидетельствуют и учат человека смиренному и благоговейному предстоянию перед Творцом...

Постепенно начали появляться первые признаки человеческого присутствия: там промелькнула бетонная цепь столбов, соединенных зудящим электропроводом; здесь – ржавый трактор с оборванной гусеницей; чуть дальше – дыра в заборе, целлофановые бутылки, горой сваленные в саду.

– ...и если эти звездные и атомные океаны могут научить хотя бы одного человека смиренной любви к Богу, Творцу, к Спасителю мира Христу, то уже потому, – между тем продолжал голос, – их существование было бы оправданно и благословенно...

Сразу за сорванными качелями, на одном согнутом ржавом пруте поскрипывающими в школьном дворе, располагалось двухэтажное деревянное здание провинциальной школы. Из-за его распахнутого окна как раз-то и доносилось:

– ...Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света, хвалите Его, небеса небес и воды, которые превыше небес...

В классе над столом с учебниками, в беспорядке разбросанными на скатерти, стоял у доски тридцатидвухлетний, немного лопухий учитель истории, – Иван Яковлевич Корейшев¹. Несмотря на жару одетый в старый костюм с брючками до щиколоток и в белую рубашку с галстуком, именно он и дочитал из книги:

– ...Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны, огонь и град, снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его, горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры...

Отведя книгу от лица, Корейшев внезапно замер. От удивления и растерянности он так и не смог завершить фразы.

Странная картина открылась взору учителя. Все присутствующие в классе подростки, а также представители педсовета, проверявшие работу коллеги, не обращая никакого внимания на Ивана Яковлевича, занимались кто чем. Длинноволосый мальчик, сидящий за первой партой, готовил удочки для рыбалки. Соседка его, облизываясь, листала порнографический журнал. Двое парней за ними пинали футбольный мяч. Дальше шли две подружки, одна из которых подкрашивала ресницы, а другая – примеряла блузку. Рядом высокий жилистый паренек выкалывал на плече у своей соседки цветную татуировку. Кто-то «балдел», прижимая к уху наушник, кто-то набивал «травкой» папиросу. Представительница педсовета, строго оде-

---

¹ Иван Яковлевич Корейша, московский блаженный. (1783 – 1861 гг.)

тая дама лет сорока пяти, терлась ногой о ногу пятнадцатилетнего паренька, а тот в это время кормил голубей, расхаживавших по подоконнику. За поведением дамы с последней парты печально следил пятидесятилетний директор школы. Глубоко вздыхая, он то и дело прикладывался к фляжке. И только одна рыжеволосая веснушчатая девочка – Лена – осмысленно смотрела на Ивана Яковлевича и слушала.

Встретившись взглядом с Леной, Корейшев смахнул со лба пот и ущипнул себя за ухо.

От боли он даже вздрогнул и чуть слышно простонал.

Зато картина всеобщего разложения, наблюдавшаяся в классе, тотчас сменилась вполне пристойной школьной атмосферой. Все подростки, хотя и несколько сломленные жарой, сидели за партами тихо, скромно, одним глазом косясь на представителей педсовета, а другим – на циферблаты своих наручных часов.

Заметив, что педагог умолк, представительница педсовета поднялась из-за парты и, поправив парик, сказала:

– Спасибо, Иван Яковлевич. По-моему, хорошо, – и, обращаясь к ученикам: – Ну как вам, понравилось?

Только что листавшая порножурнал девица ответила:

– Интересно.

– Класс! – подтвердил рыбак. – Особенно, где это – хороните его и так далее. Впечатляет.

– Хороните? Разве вы – хороните? – смущенно взглянула седовласая Представительница Педсовета на Ивана Яковлевича.

В задумчивости кивнув, Корейшев взглянул в окно на ворковавших на подоконнике голубей. Потом перевел взгляд на паренька, облокотившегося на руку. И вдруг совершенно неожиданно как для представителей педсовета, так и для учеников беззвучно рассмеялся. И так, содрогаясь в приступе смеха, не спеша подступил к учительнице, удивленной за ним из-за парты. А, подступив, сказал:

– Хороните, хвалите, – какая разница? Лишь бы нескучно, правильно?! Позвольте, Людмила Павловна, – склонился он к парте парня с наушником возле уха и, включив на полную громкость магнитофон, привлек к себе даму:

– Потанцуем?!

Под раздавшийся рокот рока Иван Яковлевич затеребил учительницу, пускаясь с нею в крутой современный танец.

– Иван Яковлевич, – растерялась Представительница Педсовета. – Что вы себе... Петр Петрович! – обратилась она за помощью к директору школы.

– Иван! – не веря своим глазам, встал из-за парты директор. – Ты чего?..

– Да ладно тебе, Мосол! – отмахнулся Корейшев от директора и предложил затем, продолжая терзать учительницу в ритме лихого танца: – Отхлебни глоточек! А ну, кто-нибудь, пригласи Петрушу. Живите играючись, елы-палы! Ведь вы этого достойны!

Ученики удивленно переглянулись. Девочки захихикали.

– Ни фига себе! – вытянулось лицо у мальчика-рыболова.

– Атаково! – вдруг вскочил один из мальчиков-футболистов и бойко пустился в пляс.

И тут, наконец-то, с трудом приходя в себя, Представительница Педсовета выкрикнула в испуге:

– Да он с ума сошел! Спасите! – взвизгнула что есть мочи, оттолкнув от себя Корейшева.

– Иван! Прекрати! Немедленно! – решительно двинулся ей на помощь сухопарый директор школы.

Парень нажал на клавишу, и музыка резко стихла. А в тишине уже, прекратив плясать, Иван Яковлевич спросил у своих коллег:

– А что, собственно? Все по схеме. Богословие в стиле кантри. Американский метод. Вы же сами мне предложили, Людмила Павловна.

– Сумасшедший, – спрятавшись за директора, шепнула в испуге дама. – Скорую срочно! – метнулась она к двери.

– Людмила Павловна, не надо скорую! – урезонил её директор. – Сами как-нибудь разберемся.

– Да как сами, как сами, – пролепетала учительница, косясь на Ивана Яковлевича. – Вы только взгляните на него! Он же ненормальный!

Помрачнев, Иван Яковлевич кивнул и вдруг, громко прокукарекав, стремительно подлетел к окну. Сбросив с себя пиджак и отшвырнув его под доску, Корейшев взобрался на подоконник и подмигнул директору:

– Держи её крепче, Мосол! Аудио-фэбэржэ! – и, снова громко прокукарекав, забил себя ладонями по ляжкам и выпрыгнул в окно.

Из-за трепещущих занавесок донеслось его громкое звонкое кукареканье.

Все подростки и педагоги метнулись к оконной раме.

Далеко внизу, стремительно убегая от школы в сторону голубеющей вдалеке реки, Иван Яковлевич сорвал с себя ненавистный галстук и, отшвырнув его за кусты, росшие у забора, снова громко прокукарекал.

Затем он раздвинул в заборе доски и, через образовавшуюся дыру выскочив со двора, побежал то кудахта, то кукарекая по холмистой, поросшей травой равнине к поблескивающей вдалеке реке.

Сгрудившись в кучу возле распахнутого окна, подростки и педагоги взахлеб обговаривали случившееся. Одни из них потешались, вертя у виска указательным пальцем и интенсивно размахивая руками, другие в недоумении вздергивали плечами. И только одна веснушчатая, рыженькая Лена смотрела вслед убегающему учителю задумчиво и серьезно.

Уже серьезный и молчаливый Иван Яковлевич продирался сквозь чащобу борщевика. Раздвигая руками сухие ветви, он то и дело проваливался в ухабы, вскакивал и устремлялся дальше. А перед ним, будто фотовспышки, всплывали воспоминания:

... вот он, только совсем ещё молодой 17-летний юноша в джинсах с заплатами на коленях и в синей осенней курточке, вышел из подъезда двухэтажного краснокирпичного дома под черепичной крышей. И в недоумении остановился.

Вдали, пошатнувшись, рухнула и с грохотом разлетелась краснокирпичная стена здания старенького завода. Внутри пылевого облака, поднявшегося при её падении, бодро зацокали молотки, заскрежетали ломы. А тотчас же из пролома в краснокирпичном заводском заборе навстречу Ивану Яковлевичу вышла шупленькая старушка в замызганной телогрейке с парочкой кирпичей под мышками. Переваливаясь, как курочка, с ноги на ногу, она деловито прошла мимо Ивана Яковлевича и скрылась за дверью дома. Сразу же вслед за нею, держа на оттянутых вниз руках уже не два кирпича, а дюжину, вышел, пошатываясь, рабочий в грязной, в пыли, спецовке и тоже проследовал мимо Ивана Яковлевича в подъезд. За ним, толкая перед собой тачку, набитую кирпичом, выскочил из пролома в заборе молодой человек в плаще и, поравнявшись с клумбами, у которых стоял Корейшев, высыпал весь кирпич прямо под ноги Ивану Яковлевичу.

Держа в одной руке лейку, а в другой – черенок цветка, Иван Яковлевич спросил:

– Серый, зачем вы завод ломаете?

– Собственность делим на хрен, – съязвил паренек в плаще и с тачкой перед собою вновь поспешил в пролом.

– Какую собственность? – не понял его Корейшев.

– Общонародную. Другой нету, – ответил ему паренек в плаще и ускользнул за пролом в заборе.

А оттуда навстречу Ивану Яковлевичу уже повалили гуськом старушки с парочкой кирпичей под мышками, рабочие с кучей-малой кирпичей в руках, молодые люди с тачками, совсем безусые пареньки на карах.

Ничего ещё толком не понимая, Иван Яковлевич вздохнул и тоже прошел в пролом на территорию предприятия.

По мере того как пыль вокруг оседала, перед взором Ивана Яковлевича открылась довольно странная и, по-своему, впечатляющая картина. Все вагоны и вагонетки бывшего предприятия стояли у проходной. На них прикрепляли таблички с надписью мелом – «металлолом», грузили кранами на машины с иностранными номерами и увозили, прикрыв брезентом, мимо охранников за ворота. Посреди же бывшего предприятия, на обломках упавшей стены завода, копошились, как черви, люди: рабочие, чиновники, пенсионеры. Одни из них разбивали огромные куски кладки на отдельные кирпичи; другие, очистив кирпич от цементных прослоек, раскладывали его по кучкам; третьи, выписав накладные, тотчас же раздавали все эти кучки бывшим работникам и работницам. Всюду сновали туда-сюда груженные кирпичом старушки, рабочие с тачками, грузовые автомобили с крепкими молодыми людьми в кабинках. На площади возле заводоуправления о чем-то неспешно переговаривались седовласые партработники в серых костюмах с галстуками и бритые парни в малиновых пиджаках. А в кругу седовласых бонз, сгрудившихся около «Мерседеса», о чем-то велеречиво рассуждал паренек в футболке и старых потертых джинсах, тогда как строгая дама в черном вечернем платье, изыскано помахивая карандашом, нарочито артикулировала каждое оброненное им слово.

Всюду слышалось:

– Валюха, тащи носилки.

– Марковна, не мешай. Ты свой пай уже получила. У меня все записано. Отвали.

Оказавшись в гуще всеобщего мельтешения, Корейшев в недоумении огляделся. И тут к нему, единственному из всех не втянутому в раздел общенародной собственности, подскочил вдруг вихрастый парнишка в кожанке со стопкой бумаг в руках:

– В чем дело, товарищ? Вы из какого подразделения? Служба эксплуатации? Итээр? – и, замечая лейку в руках у Ивана Яковлевича: – Ах, Вы пожарник! Сюда! Пройдемте, – взял он Корейшева под локоток и, подведя его к зияющей посреди двора глубокой воронке от взрыва бомбы (её ограждал симпатичный зеленый штакетник, увенчанный сверху колючей проволокой), вежливо объяснил: – Вот, полюбуйтесь, как мы блестяще воронку обгородили. Первоначальный взрыв полностью ликвидирован! Спасибо вам за подсказку.

– Извините, я не пожарник, – в неловкости просопел Корейшев. – Я рядом, в соседнем дворе живу. Услышал взрыв, вот и зашел взглянуть, что здесь происходит...

– Ах, так вы не пожарник, – потерял к нему интерес Вихрастый. – Так, может, Вам с кирпичом помочь? Как соседу. Сколько Вам выписать? Сотню, две?

– Да нет, мне кирпич не нужен, – ответил Иван Яковлевич. – Только не понимаю, зачем завод ломаете?

– Устарел! – объяснил Вихрастый. – Ликвидируем нерентабельное предприятие.

– Почему нерентабельное? – удивился Корейшев. – Кирпич-то весь раскупали.

– Ну, это пока мы в совке здесь жили, – объяснил Вихрастый. – Но теперь, когда мы выходим на мировой рынок, ну скажите на милость, кому наш кирпич нужен?

– Да нам же и нужен, – возразил Корейшев. – Школы строить, заводы, жильё там разное. Или мы строить больше не собираемся?

– Ну почему же!? Ещё как собираемся! – радостно объяснил Вихрастый. – Но из итальянского кирпича! Из французского! А то и из американского! Экология очистится, дети вырастут здоровыми и сильными. Так что вы не волнуйтесь: ступайте домой и ждите! Что вы там:

розочки пересаживали? Вот и сажайте их на здоровье. А мы этим временем всё здесь в момент расчистим! Вам останется только жить и радоваться!

И Вихрастый, подведя Ивана Яковлевича к пролому в заборе, вытолкнул его со двора завода.

Иван Яковлевич зажмурился.

И в ту же секунду прямо ему в лицо наотмашь стегнула ветка борщевика.

На бегу отмахнувшись от этой ветки, Корейшев остановился и перевел дыхание.

Впереди, прямо перед Иваном Яковлевичем, зеленел пологий спуск к поблескивающей вдаль реке. Весь сплошь изрезанный огородами спуск этот мягко шуршал подсолнухами и картофельною ботвою. Посреди же рядов подсолнухов, разделявших картофельные наделы на множество лоскутков, высился мощный столетний дуб, а чуть в стороне от дуба, на фоне речной излучины, топорщилась в небо балками и покосившимися стропилами заброшенная бревенчатая банька.

За рекою за холм заходило солнце. Оттуда в сторону огородов ветер гнал грозовую тучу.

Неторопливо спустившись к речной излучине, Иван Яковлевич присел.

По воде пробежала рябь. Первые капли начавшегося дождя украсили волны перед Корейшевым расходящимися кругами.

Внезапно стало темно, как вечером. И низко нависшие облака прямо над головой у Ивана Яковлевича разорвало вдруг изгибом молнии.

Издалека, вдоль речной излучины, рокоча прокатился гром.

Дождь превратился в ливень.

Промокший до нитки Корейшев встал и рассеянно огляделся.

За ним возвышался холм: лоскутное одеяло из огородов, окаймленных желтеющими подсолнухами, а посреди огородов – столетний дуб, и в стороне от дуба – развалины ветхой баньки.

Поразмыслив, Корейшев двинулся напрямик через огороды к дубу. Потом он прибавил шагу и побежал.

Небо вновь озарилось зигзагом молнии. И снова ударил гром.

До дуба оставалось совсем немного, когда Иван Яковлевич споткнулся и плюхнулся прямо в грязь.

В третий раз полыхнула молния, когда Иван Яковлевич поднял голову, чтобы вновь устремиться к дубу. Очередной зигзаг бьющей сквозь ливень плазмы врезался прямо в дерево. И дуб, расколовшись напополам, тотчас же вспыхнул, как исполинский факел.

Неторопливо встав, Иван Яковлевич развез по лицу ладонью липкую грязь вперемешку с картофельною ботвою и растерянно огляделся.

У разбитой двери полусгнившей баньки стоял седенький старичок в белом подряснике и белой монашеской скуфейке. Поглаживая жиденькую бородку, он поманил Ивана Яковлевича к себе и первым прошел внутрь баньки.

В последний раз оглянувшись на полыхавший под ливнем дуб, Иван Яковлевич помедлил и стремительно пошагал за незнакомцем в баньку.

Когда дождь, наконец, закончился, а небо опять очистилось, – оно стало высоким и ярко-розовым за рекою, – туда как раз опускалось солнце, – по тропинке между огородами пробежали по лужам дети. Мальчик и девочка лет одиннадцати, бия ладонями по подсолнухам, то и дело окатывали друг дружку россыпью крупных капель. Шедший за ними высокий худой мужчина, груженный мешком с травой, поглядывал на детей и весело ухмылялся. Тогда как его жена, – одна из двух толстых женщин, с трудом продвигавшихся за мужчиной, – раздраженно и громко крикнула:

– Васька! Поля! Хватит вам брызгаться, я кому сказала! Коля, ну скажи ж ты им что-нибудь!

Мужчина, пыхтя «беломориной», промолчал. Зато девочка, как ни странно, и без его одергиваний внезапно остановилась и указала рукой вперед:

– Смотрите!

Взглянув в указанном направлении, на черную головешку, оставшуюся от дуба, отец лишь присвистнул от удивления, а мать, догоняя его, сказала:

– Батюшки! Утром ещё стоял! Да лило-то – страсть: прямо как из ведра! Как же оно горело-то?

– Да так и горело, – веско отметил муж, и именно в этот миг со стороны баньки вдруг долетела песня:

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд,
Кто с Тобою населяет
Верх священных горних мест?

Дачники молча переглянулись. И девочка первой метнулась к баньке.

– Куда?! Стоять! – испуганно закричала на неё мать.

– Там кто-то есть, – указала девочка на черные бревна баньки.

Лежа на куче ветоши у огромной дыры в полу, Иван Яковлевич допел:

Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда творит
И нелестным сердцем точно,
Как языком говорит.

Заглянув в разбитое окно баньки, дачники настороженно затаились. И только девочка улыбнулась:

– Да это же наш учитель Иван Яковлевич. Он Библию нам читал. И про потоп рассказывал. Здравствуйте, Иван Яковлевич.

Корейшев приподнял голову и спокойно взглянул на дачников.

– Точно – Иван Яковлевич, – усмехнулась одна из женщин. – А что вы тут делаете? Дождь пережидаете? Так он кончился. Можно выходить.

Иван Яковлевич прилег и с новой силой продолжил пение:

Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.

– А, – кивнула толстушка-мать и, отшатываясь от пролома в оконной раме, шепнула своим попутчикам, повертев указательным пальчиком у виска: – Пойдемте. А то еще белье снимут.

На миг прерывая пение, Иван Яковлевич сказал:

– Белье не снимут. А вот бок твоей куме проверить надо. Грыжа начинается, – и снова запел:

Презирает всех лукавых,
Хвалит Вышнего рабов
И пред ним душою правых

Держится присяжных слов.

Женщины снова переглянулись и поспешили уйти от греха подальше.
Удаляясь от баньки, они то и дело оглядывались на пение.

Из баньки же разносилось:
В лихву дать серебра стыдится,
Мзды с невинных не берет...

И уже совершенно в другое время – в знойный июльский полдень:

Кто на свете жить так тщится,
Тот вовеки не падет.

– А ну, вылезай оттуда! – упершись рукой о дверной косяк, зло и рассерженно заявила худая, высокая, лет тридцати пяти, костлявая женщина, – старшая молочная сестра Ивана Яковлевича, Марина. – Хватит людей дивить. Пожировал – и будя. Ну, я кому сказала? Или мне дядю милиционера вызвать?

– Маринка, ступай домой, – вдруг донеслось из баньки. – И больше не приходи. Твой молочный брат Иван Яковлевич Корейшев умер.

– Чего?! – вытаращилась Марина. – А с кем же я говорю? Думаешь, если ты двери да окна в баньку досками позаколачивал, так я уже и голоса твоего гунявого не узнаю? Басни он мне рассказывает! В семинарии доучился б, вот и читал бы басни старухам да нищим в храме! Так нет же – сбежал, как Бобик! И с учительства – точно так же! Чаешь, в бомжах-то слаше? Да как бы не так, урод! Ты же слабенький, золотушный! Околеешь тут через месяц. А мне потом хорони! И на какие ж шиши, поганец! А от людей-то – стыдно! Ну как мне теперь в глаза соседям своим смотреть? Что ж ты меня то злыдней, то дурочкой выставляешь?! Может, и Славка мой из-за тебя, подлеца, убег-то?!

– Не переживай, – вновь донеслось из баньки. – Скоро вернется твой ненаглядный. Никуда от тебя денется.

– Да нужен мне больно твой алкоголик! – взревела от злости женщина. – Ты-то зачем ушел? Ленка ж тебя любила. Да и я ж ни единым словом ни разу в жизни не обижала. За что же ты нас позоришь?! – И она, в досаде махнув рукой, всхлипнув, стремительно отошла от баньки.

А потом был погожий июльский вечер. И, сидя снаружи баньки у заколоченного окна, тощий жилистый бомж в рваной тельняшке и старых джинсах, пьяно икнув, сказал:

– Значит, так: или ты сейчас же выматываешься оттуда, и тогда тебе ничего не будет. Или я ставлю тебя на счетчик. Даю десять секунд. Время пошло. Раз. Два. Три, – поднялся он с травы и, обойдя поросший крапивой угол баньки, остановился у заколоченной крест-накрест двери. Внизу на уровне ног бомжа зияла в двери дыра. Через эту дыру внутрь баньки можно было попасть, только встав предварительно на колени.

Ползать в пыли, да ещё на коленях, бомжу, естественно, не хотелось. Но и оставить Ивана Яковлевича в покое гордость не позволяла. Эту дилемму помогла ему разрешить щупленькая старушка. Незаметно приблизившись к двери баньки, она поинтересовалась:

– Вы крайний к юроду?

– Чего? – обалдело взглянул на старушку бомж.

К этому времени рядом с первой возникла уже и другая бабка. Обе в длинных ситцевых платьях и в белых платочках на головах, старушки переглянулись; и та, что первой подошла к баньке, сказала бомжу:

– Ладно, сынок, ступай. Пойди вон помойся. Постирушку устрой. Давай.

С недоумением косясь на бабок, Бомж отступил за кусты крапивы. Старушки же между тем дружно перекрестились и, с трудом опустившись на колени, перебрались под дверь – внутрь баньки.

– Господи, прости нас, грешных, – сказала при этом первая.

– Ой, ноженьки мои, ноженьки, – вздохнула за ней другая.

А как только они вползли на коленях в баньку, бомж в недоумении огляделся. Ото всюду, со всех сторон к баньке сходились люди. В основном это были старушки в платочках на головах и в длинных дешевых платьях. Но попадались и молодые: от реки в камуфляже и голубом берете, опираясь на костыли, ковылял безногий десантник. Со стороны же остова сгоревшего накануне дуба спускались двое влюбленных с огромной охапкою полевых цветов. А за ними с кошелкой еды в руках поспешали знакомый мужчина-дачник, толстенькая его супруга и двое детей-погодков: одиннадцатилетний мальчик в шортиках и футболке и двенадцатилетняя девочка в синем, в горошек платьице.

Видя весь этот сход, бомж почесал затылок и поспешил отойти к реке.

В баньке окруженный толпой народа, до половины погруженный в тень, а до половины высвеченный ярким июльским солнцем, бьющим через дыру в стропилах, Иван Яковлевич сказал:

– Ну да, нищета, долги. Но сердце разве вам не подсказывает? Или вам главное за электричество заплатить?

– Значит, он все-таки женат, – потупилась мать Татьяны.

– И не единожды! – привстал на локтях Корейшев. – У него таких Тань, как Ваша, – в каждом городе по невесте. Четыре сына, две дочки. Внуки уже пошли. А вы кого обмануть пытаетесь? Себя? Судьбу? Или Бога?

Густо порозовев, Татьяна и ее мать отошли к двери. А из-за голов собравшихся блеснули знакомые вдумчивые глаза той самой рыжеволосой веснушчатой девочки Лены, которая еще в школе прислушивалась к речам Ивана Яковлевича.

По беломраморному коридору, вдоль цепи пластиковых окон, из-за которых едва долетало далекое громыхание говорящего в микрофон, в сопровождении плечистых парней в белых рубашках с галстуками и с мобильными телефонами в руках быстро шагали двое: 45-летний мэр города Игорь Александрович Юциферов и его ровесник, такой же холеный, как и сам мэр, столичный предприниматель Юрий Павлович Карнаухов.

Пока они шли, слегка распахнулось одно из окон, и с улицы, многократно усиленная динамиками, внезапно донеслась фраза выступавшего:

– ...в этот поистине исторический для нашего города день...

Проходя мимо, один из сопровождавших мэра небрежно прикрыл окно, и снова в коридоре стало тихо, а приближающийся холл, куда направлялись бонзы, встретил их фотовспышками удерживаемых далеко у двери фоторепортеров, а также лучезарными улыбками двух молодых гримерш, ринувшихся навстречу мэру и предпринимателю.

– Секундочку, Игорь Александрович, волосики надо. Так, – сказала одна из гримерш, поправляя прическу мэру, – и еще тут немножечко.

Другая гримерша смахнула несуществующую пылинку с хорошо отутюженной сорочки предпринимателя.

А он вдруг сквозь зубы брякнул:

– Дерьмо.

– Как вы сказали? – отпрянула от него гримерша.

– Я не вам, – отмахнулся предприниматель и, обращаясь к мэру, язвительно прошипел: – Так «ему сам Бог открывает»? С пророком вас, господин мэр! Конечно, моя шарашка, – победоносно огляделся он в холле здания, – это жалкое подобие ваших информационных возможностей. Теперь вы с этим Коршевым, глядишь, и в книгу Гиннеса попадете.

Сдержанно улыбнувшись предпринимателю, мэр сказал:

– Юра, не кипятись. Признаться, он мне тоже несимпатичен. Учитель – и вдруг в бомжи... Но, пока он знал свое место, я его терпел. Но теперь, после истории с твоей Таней, я подумаю, как нам тебе помочь.

– Так это – мои проблемы? – злорадно улыбнулся предприниматель, не обращая никакого внимания на замерших в недоумении гримерш. – А я-то думал, это у тебя выборы на носу. А тут – пророк. С информацией от самого «Бога»! И это при нашей российской дикости, среди всех этих маргинальных орд, которые ему в рот заглядывают. Ты хоть представляешь, чем это может кончиться?

Мэр побледнел. И сказал чуть слышно, отводя Карнаухова от гримерш:

– Слушай, Юра, давай уж откроем твой «Евро-центр» и сразу же примем меры.

От двери, где их поджидали работники мэрии и журналисты, плотная женщина в белом жакете указала начальникам на часы. Направляясь навстречу ей, Карнаухов с улыбкой предложил Юциферову:

– А хочешь, я тебе помогу? Мои ребята устроят все чики-чики.

– Только без крови, – брезгливо скривился мэр.

– Зачем? – беря Юциферова под локоток, ласково осклабился Карнаухов. – Мне и самому хотелось бы познакомиться с этим «чревовещателем» поближе. А вдруг в этом действительно что-то есть?

И они, понимающе улыбнувшись, плавно влились в толпу поджидавших их возле двери работников мэрии и журналистов.

А с улицы между тем из множества репродукторов победоносно разнеслось:

– И все это – наш земляк, а ныне – столичный предприниматель Юрий Павлович Карнаухов!

Толпа, собравшаяся на площади, дружно зааплодировала.

Выходя вместе с мэром на подиум перед толпами, Карнаухов приветливо улыбнулся и скромно приподнял руку, сдерживая эмоции неистово рукоплещущих земляков.

Тихим июльским вечером, когда солнце садилось за огороды и его последние закатные лучи, просачиваясь сквозь щели в рассохшихся бревнах баньки, атели на досках пола, Иван Яковлевич Корейшев лежал в углу, скорчившись под одеялом, и, весь покрытый потом, молча следил за бывшей своей ученицей, – Леной. Одета в джинсы, тенниску и черную, с иероглифами косынку Лена сидела на корточках у двери и раскладывала по кучкам подаренные паломниками овощи и фрукты. Кроме нее и Ивана Яковлевича, внутри баньки находилась еще сгорбленная старушка Павловна. Она как раз подметала пол.

Почувствовав на себе упорный взгляд Ивана Яковлевича, Лена оглянулась на бывшего своего учителя и, встретившись с ним взглядом, порозовела и отвела глаза.

Иван Яковлевич вздохнул и тихо сказал старушке:

– Ладно, Павловна, хватит пылить. И так голова раскалывается.

– А ты бы грушку съел, – прекращая мести, предложила Павловна. – Вон нанесли сколько. Лена, а ну подай.

– Не надо, – сказал Корейшев и отвернулся лицом к стене. – Раздайте все это нищим. И уходите. Устал я. Посплю немного.

– Еще бы не устать, – отставляя под стену веник, поковыляла к двери старушка. – Народищу сколько – ужась. И все едут и едут. Прихворнуть человеку некогда. Пойдем, Лена. Пускай Иван Яковлевич поспят.

Старушка и девочка стали на корточки у дыры под дверью. И тут, повернувшись к ним, Иван Яковлевич сказал:

– Лена... возвращайся к матери. Ей с запоем самой не справиться.

Девочка потупилась, пунцовея.

– Пожалуйста, – попросил Корейшев. – А то, что она материться будет, так ты и не замечай. Сердце-то у Марины доброе.

– Хорошо, – после секундного размышления бодро кивнула Лена и, опустившись на четвереньки, выбралась вон из баньки.

Дождавшись, пока она отойдет подальше, Павловна просопела:

– Оно, конечно, не мое это дело – но, может, и ты пошел бы мамку её от запоя спасать?

Взглянув на старушку, Иван Яковлевич спросил:

– И каким же образом?

– Обыкновенным, – сказала Павловна. – Все знают, что Маринка по тебе сохнет. А за Славку она с тоски, от безнадеги вышла. Вот вдвоем они и спиваются. А так хоть её бы спас.

– Мать, ты чего: белены объелась?! – удивленно взглянул на неё Корейшев. – Она же моя сестра!

– Так молочная ж, – возразила Павловна. – Почитай что и не родня.

– Ясно, – сказал Корешев, после чего вздохнул: – Слава Богу, телега уже в пути. А кандалы в подвале. Так что по любому годика три отдохнуть придется. А то бы совсем запарился... С вами тут. Там знают, – ткнул он вдруг пальцем под потолок, в зияющую дыру посредине крыши, – кого и как из запоя вывести. Без нас с тобой разберутся.

Павловна лишь кивнула и отступила к двери.

Иван Яковлевич прилег, укутался в одеяло и притворился спящим.

Последний луч солнца угас на разохшейся половице.

И тут вдруг Иван Яковлевич вскочил. Дрожа и искрясь от пота, он взглянул за дыру под дверью. В раскачку, как уточка, медленно удалялась от баньки Павловна. Вдали темнела вода реки. По мелководу два мужика в майках и спортивных штанах тащили вдоль кустов сеть, а третий, загоняя в сеть рыбу, стучал по воде палкой. Тихо чирикали воробьи, поблескивала вода, зудела, летая, муха.

– Может, и впрямь ради Маринки стоит?.. – вскочил Иван Яковлевич с подстилки и полетел к двери.

Уже опустившись на четвереньки, он вдруг взглянул на дверь. И так же внезапно, как всполошился, медленно встал на ноги. И, направляясь в угол, насмешливо усмехнулся:

– Э-э-х, студент хладных вод. Все бы тебе играть. Ложитесь, сударь. И отдохайте, – снова улегся он на подстилку и укутался в одеяло.

На волнах реки поблескивали светящиеся дорожки. Это отражались в воде костры, зажженные тут и там собравшимися к юродивому паломниками.

Между костров, по тропинке, ведущей к баньке, поскрипывая, проехала ничем не примечательная телега с четырьмя мужиками, мирно дремавшими на облучке. Мимо женщины, полоскавшей в тазу белье, вдоль развешенных на веревках детских одежд и кед, лошадь протопала за палатку с сидящим возле костра на надувном матрасе широкоплечим бородачом в штормовке.

Провожая взглядом телегу, бородач подтащил к себе толстую палку, легко разломил ее о колено и подбросил сушняк в костер.

Та же телега вновь появилась возле костра с паломниками, но уже у сидящих в метре-другом от баньки.

Один из паломников поднялся от костра и подступил к телеге:

– Здравствуйте. А Иван Яковлевич приболел. Придется вам подождать до завтра.

– Некогда нам, – сухо сказал возница и, пока трое его попутчиков спрыгивали с телеги, скомандовал: – Пошло дело!

Тотчас все четверо мужиков, выхватив из-за пазух газовые баллончики, одновременно пшикнули в лица охранникам юродивого.

Закрывая глаза руками, охранники рухнули на траву и, секунду-другую посодрогавшись, тут же оцепенели.

– В темпе, – оглянувшись по сторонам, скомандовал мужикам возница, и трое его попутчиков дружно метнулись к баньке.

Нырнув друг за другом в дыру под дверь, они вскоре вытащили из баньки спальный мешок с Корейшевым. И, погрузив мешок на телегу, снова вскочили на облучок. Возница махнул вожжами: – Но!

И лошаденка тронулась.

Охранники так и не шелохнулись ни пока телега, слегка поскрипывая, отъехала от баньки, ни уже чуть попозже, когда она покатила мимо цепи костров, отражавшихся в темной воде реки.

В темноте приоткрылась дверь. И грузный седой главврач психиатрической больницы Сысоев Кузьма Лукич, с трудом протиснувшись за порожек, нащупал пальцами выключатель.

Сырую темень захламленного подвала с трудом осветила тусклая, засиженная мухами лампочка, на длинном витом шнуре свисающая с потолка.

В дальнем углу помещения с охапки гнилой соломы привстал скованный по рукам и ногам Корейшев. Щурясь от света лампочки, он присмотрелся к вошедшим в подвал «гостям».

К нему, кроме Кузьмы Лукича Сысоева, вниз по бетонной лестнице спустился ещё и знакомый нам Юрий Павлович Карнаухов, а также гориллообразный санитар Сереня с двумя стульями в руках. Все трое были в белых халатах, а у Серени на голове белела еще и марлевая повязка-шапочка.

Поставив стулья в непосредственной близости от Корейшева, санитар отступил в сторону, а Сысоев и Карнаухов сели.

Прикурив от импортной зажигалки, Юрий Павлович усмехнулся:

– Ну что, пророк, будем знакомиться. Хотя, если ты юрод, то и сам, наверное, догадался, кто с тобой разговаривает. Или информация от «Бога» в эту нору не просачивается? Хорошо, тогда я тебе объясню. Ты находишься в Москве, в подвале женского отделения одной из московских психушек. Перед тобой – Кузьма Лукич, главврач этого заведения. Ну и я... твой покорный слуга Юрий Павлович Карнаухов. Где-то, типа того, ученый. Изучаю нетрадиционные методы получения информации: магия, кабалистика, донос... Итак, на кого работаем? Запираться я тебе не советую, – встал он со стула и начал расхаживать по бетону, тут и там усыпанному ошметками свежих крысиных катышей, – это дело пустое. Только лишнюю порцию химии в себя впустишь, вот и все. Медицина, знаешь ли, за последнее время так далеко шагнула, что на Камо или Зою Космодемьянскую никто уже не потянет: полная блокировка воли. Все расскажешь, как миленький, – оглянулся на шорох из темноты. – А крыски тебе помогут. Так что советую поберечь себя и отвечать мне по существу. Итак, кто он, твой «Бог», умник?!

– Навуходносор, – прохрипел Корейшев.

– Не понял? – застыл на мгновение Карнаухов.

– Ты – Навуходносор, – ткнул Иван Яковлевич в посетителя грязным разбитым пальцем.

С явным недоумением Карнаухов взглянул направо, на тяжело, с отдышкой дышащего Главврача, и тот, смахивая с лица крупные капли пота, как мог, объяснил товарищу:

– Навуходоносор – цэ був такой в мынулому вэлыкый вавилонський цар. Вин думав, шо нэма никого сыльнішого и розумнішого за нього в цілому свити. Та якось, так пышэ «Библия», Бог покарав царя: Вин видибрав у Навуходоносора розум, так шо вэлыкый дэспот тры роки пасся, як вил в поли: вин ив траву и свои, звыняйтэ, гивна. Тилькы писля цього Бог повернув Навуходоносорови розум. Тоди цар покаявся и став житы тыхэнько, як и вси люды.

– О! Так мы снова пророчествуем! – осклабился Карнаухов. – Ну что ж, эта игра мне начинает нравиться. Лады, – смачно хлопнул Юрий Павлович себя по мускулистым ляжкам, – ты – пророчь, а я без лекарств, как Иисус Христос, попробую тебя вылечить. И мы посмотрим, кто из нас первый начнет, пардон, жрать свое дерьмо. Я или ты, идет?

Затем он с лукавинкой подмигнул Корейшеву и, поправив узел на черном галстуке, решительно походкой первым пошел к двери.

Главврач поспешил за ним.

– На хлеб и воду его, – зло приказал Сысоеву Карнаухов. – Только чтобы ноги не протянул.

По-прежнему вытирая лицо и шею огромным, как полотенце, клетчатым носовым платком, Главврач лишь кивнул, посапывая. И тогда Карнаухов, останавливаясь у двери на верхней ступеньке бетонной лестницы, помахал Корейшеву растопыренной пятерней:

– До встречи, Изыкиль.

С кастрюлькой в руках по грязным ступеням той же бетонной лестницы к Ивану Яковлевичу в подвал спустилась сторбленная старушка с кружкой протухшего киселя и помойным ведром в руках. Еще на подходе к узнику она рассерженно пробубнила:

– Разлегся, как пан барон. А ты ему подавай: пои, выноси парашу. А ну поднимайся, пророк задрюпанный. Жри, чтоб тебя уже удавило.

С трудом приподнявшись на руке, Корейшев косо взглянул на кружку с поросшим плесенью киселем, – старушка поставила кружку на пол, – после чего шепнул:

– Водички б, бабушка. Пить хочется.

Сунув под нос Ивану Яковлевичу пустое ведро с разводами блеснувшей на дне воды, старушка злорадно выдохнула:

– На вот, попей, касатик! Что, не оно, смердит? Так ты же пророк, Ванюша: помолись Богу, и моча превратится в газировку. А я погляжу на чудо и тоже уверую. Ну что же ты, ну, есикай. Аль не в силах, болезный? То-то же, ешкин дрын! Я живо тебя отучу пророчить. – И она, нарочито громко грохнув ведром об пол, насмешливо усмехнулась.

Ничего не ответив на то старушке, Иван Яковлевич прилег и вновь отвернулся лицом к стене.

И снова по той же бетонной лестнице к лежащему на гнилом матрасе лицом к стене Корейшеву спустилась группа медработников в белых халатах и белых крахмальных шапочках. Возглавлял делегацию щупленький, лет сорока пяти, новый главврач больницы Леонид Юльевич Саблер. Рядом с ним с толстой тетрадкой перед грудью шла полногрудая санитарка Валечка. Троица ж молодых врачей, украдкой косясь на Валечку, замыкали собою шествие.

Не успев пройти за порог подвала, санитарка прикрыла ладонью нос и, покосившись на главврача, смущенно пролепетала:

– Ну и запахи здесь, однако.

Молодые холеные психиатры, кто – чуть пораньше, кто – чуть попозже, вынули из карманов халатов чистенькие, хорошо отутюженные носовые платки и, не сказав ни слова, прикрыли носы и рты. И только один худосочный Саблер остался невозмутим. Приблизившись

к темной сырой стене, у которой лежал Корейшев, дожидаясь того момента, пока, позвякивая цепями, заросший длинными свалявшимися волосами Иван Яковлевич с превеликим трудом приподнимется на руках, он поинтересовался:

– Кто он, этот несчастный? И почему на цепи? В таком месте?

– Я же вам объясняла – буйный, – прикрывая ладонью нос, досадливо пояснила Валечка. – Очень опасный тип. Его сам Кузьма Лукич вел, царство ему небесное.

– Имя? Отчество? Фамилия? Диагноз? – строже спросил главврач.

– Иван Яковлевич Корейшев, – прочитала Валечка из тетради. – Бывший учитель воскресной школы. Из Смоленска. Три года назад поступил к нам с острым приступом паранойи. В Смоленске в тот год как раз психбольница сгорела, вот его к нам и определили.

– В чем выражается паранойя? – сухо спросил главврач.

– Он возомнил себя пророком и смущал в Смоленске народ. В городе поднялась паника. Политические волнения. Бросался на людей. Орал, как бешеный. Да он и здесь месяца три орал, волосы дыбом!

– Да, но сейчас он спокоен! – мягко отрезал Саблер. – Руки вон поднять не может. Как его крысы-то тут не съели? Почему до сих пор на цепи сидит?

Главврач оглянулся на провожатых, но те лишь слегка повели плечами, а самый худой, в очках, ответил один за всех:

– Мы, в общем-то, не в курсах. Его сам главврач лечил. Ему виднее.

– Исчерпывающий ответ, – тихо ответил Саблер и, обращаясь к Ивану Яковлевичу, спросил: – Ну а вы что нам скажете, друг мой? Если, конечно, вы еще в силах хоть что-нибудь нам сказать.

Упершись рукой в бетон, Иван Яковлевич прохрипел: вначале – слишком громко, потом – слишком тихо и только после того – тихим нормальным тоном:

– Ноги сыну пропарь в крапиве. А к экстрасенсам не води. Хуже будет.

– Что? – удивленно огляделся на провожатых Саблер.

– И на домработницу не грехи. Не она украла твои часы, – продолжал между тем Корейшев. – Дочь, чтобы дружка выкупить.

Саблер занервничал не на шутку, в смущении и растерянности поглядывая то на Корейшеву, то на своих коллег. И тогда санитарка Валечка тихо, но веско ему напомнила:

– Я Вас предупреждала: очень опасный тип.

Едва освещенный тусклой полоской света, падающей в подвал в щель из-под входной двери, крошечный юркий мышонок подскочил к опущенной на пол руке Корейшева с зажатым в ней ломтем хлеба. Обнюхав хлеб, мышонок отщипнул от него крошку и, не отходя и не прячась, принялся пережевывать. Осторожно и бережно подняв мышонка на руки, Корейшев погладил его, жующего, по крошечной головке и улыбнулся. В это время послышался шорох ключа в замочной скважине. Отпустив мышонка на пол, Корейшев прилег на гнилой матрац и отвернулся лицом к стене. Дверь за его спиной с повизгом распахнулась, и за порог подвала вошли друг за другом двое: уже знакомый нам новый главврач больницы Саблер и прилично одетый, сорокалетний московский предприниматель Иван Афанасьевич Щегловитов. Пропустив Щегловитова первым в сырую густую темень, Саблер включил рубильник и настороженно огляделся.

Щегловитов неспешно прошел за дверь и, с любопытством взглянув под лестницу на скорчившегося в углу Корейшева, дождался подхода Саблера. И только после того уже, когда Саблер прошел за ним, оба они солидно стали спускаться вниз к привставшему на матраце Ивану Яковлевичу Корейшеву.

Иван Яковлевич был так худ и с виду настолько жалок, что Щегловитов тут же преобразился. Его тревожная напряженность, с которой он поджидал входа в подвал главврача боль-

ницы, сменилась вальяжностью и раскованностью. Так что он подошел к Корейшеву уже настоящим барином, снисходящим до разговора с тихим бездомным нищим.

– Здравствуйте, Иван Яковлевич, – поглаживая бородку, поприветствовал он Корейшеву. – Вы, говорят, пророк? Может, и мне что-нибудь эдакое предскажете? Ну, скажем, подпишут ли в министерстве мои бумаги? И если «да», то кто: сам или кто из присных?

– Подстава твоя потерпит, – тихо сказал Корейшев, позванивая цепями. – А вот печень того и гляди развалится. Так что, если в ближайшие два-три месяца ты не распродашь все свои заводы, а денежки не раздашь всем тем, кого ты так лихо «сделал», кувыряться тебе, дядя, в реке огненной. Вечно. И дружба с сестричкой патриарха там уже не поможет.

Настроение Щегловитова снова резко переменилось. От его раскованной беззаботности не осталось даже воспоминания. И он оглянулся на главврача ещё более озадаченный, чем замерший за ним Саблер.

Иван же Яковлевич продолжил:

– К врачам и целителям не ходи. Это всё бесполезно. Один теперь только Врач может тебе помочь. Послушаешься меня, лет тридцать ещё попрыгаешь. По миру попутешествуешь. Меня причащать тут будешь. А нет – пора тебя гроб заказывать, дядя. Ну а теперь ступайте. Прием окончен.

И Иван Яковлевич, повернувшись к посетителям спиной, прилег на гнилой матрац и захрапел, как спящий.

Щегловитов и Саблер, оба обескураженные, молча пошли к двери. И только уже оттуда главврач обернулся к Ивану Яковлевичу и выдал едва слышно:

– С завтрашнего дня мы переводим тебя в общую палату.

Корейшев даже не шелохнулся. Он как лежал, чуть сгорбившись, так и остался лежать, похрапывая; и только по его изможденному, заросшему свалывшейся бородой лицу покатила слеза.

У бетонной стены забора на мусорной куче два опаршивевших породистых пса, – плешивый боксер и хромя колли, – сражались за кочан капусты. Вокруг них, рычащих и клацающих зубами, кружилось, каркая, воронье.

Похрустывая снежком, от обшарпанной двери больничной кухни с ведром помоев в руке к мусорной куче не торопясь приблизилась толстая раскрасневшаяся повариха в резиновых сапогах и голубом халате.

– А ну, пшли отсюда! – окатила она обоих собак помоями из ведра.

Из-за зарешеченного окна наблюдая за этой сценкой, семнадцатилетний, одетый в полосатую больничную пижаму Алик сладко зевнул и повернулся лицом в палату.

На расстоянии шага от него, сидя друг перед другом на железных, привинченных к полу койках, играли на тумбочке в шахматы пятидесятилетний рыхлый о. Самсон и верткий, лет тридцати пяти, бухгалтер Салочкин. Одеты в точно такие же, как и на Алике, пижамы, шахматисты переговаривались.

– Давай, поп, рожай уже! – подзадоривал Салочкин о. Самсона.

– Не спеши, – раздумчиво пробасил священник. – Спешка нужна при ловле блох. А во всех остальных случаях она ведет своих присных к мату, – поставил он мат бухгалтеру.

Сразу за шахматистами, до подбородка спрятавшись под теплое одеяло, насмешливо наблюдал за своим соседом плешивый, с бачками, адвокат Катышев. Двадцатипятилетний поэт Сырцов, чья кровать примыкала к катышевой, что-то упорно искал под своей кроватью:

– Где же они, сукотина?

Выбравшись из-под койки, он заглянул к себе под подушку. И тут Катышев очень быстро отбросил в сторону одеяло и спрыгнул с кровати на пол. Проскочив на цыпочках мимо крупного ядерщика Канищева, в неестественной позе роденовского мыслителя замершего у тум-

бочки, и по пути подтолкнув Миронку, заметавшегося в проходе между кроватями, он со всего размаху сел на краю кровати, на которой лежал уже чисто вымытый Иван Яковлевич Корейшев.

– Привет, – косясь на Сырцова, всё ещё искавшего свои тапочки, улыбнулся Корейшеву адвокат. – Илья Ильич Катышев, адвокат, – протянул он Ивану Яковлевичу пухленькую ладошку.

Лежа на кровати поверх одеяла, с глазами, устремленными в потолок, Корейшев даже не шелохнулся.

И тогда Катышев, опуская пухленькую ладошку, ловко подхватил с тумбочки ложку Ивана Яковлевича и, суя ее под пижаму, назидательно объяснил:

– Вы не бойтесь. В нашей «камере» буйных нет. Так, мелюзга всякая. Алик от армии вон косит. Салочкин – от растраты. А у меня так и вовсе ежегодная передышка. Работа, знаете ли, психическая. Все жилы порой выматывает. Вот и приходится здесь отлеживаться. А что прикажете?

Представляя обитателей палаты, Катышев так увлекся своим рассказом, что даже не заметил, как к нему подступил Сырцов.

– Ах ты, сукотина! – ринулся к ногам Катышева поэт. – Опять мои тапки стибрил! Ну, я тебя урою!

– Спокойно, спокойно! – сбрасывая с ног тапочки, улизнул от поэта Катышев. – Вообще-то – это мои тапочки. Вон – с наклейкой. А твои я не знаю где. Может, их Алик свистнул, – метнулся он по проходу между кроватей.

– Так ты еще и брехать! – в два-три прыжка настиг его у двери поэт и, повалив адвоката на пол, принялся избивать. – Вот тебе, вот, сукотина!

Замечая начавшуюся драку, Миронка молча отбросил веник и ускользнул за дверь.

Привстав над шахматами, у тумбочки, о. Самсон примирительно пробасил:

– Братья, ну что вы делаете? Накажут же! Как скотов несмысленных!

Однако Катышев, вивсь уже, будто угорь, нырнул под койку ядерщика Канищева, и, несмотря на то, что Сырцов колотил его по спине и ниже, он патетично взывал к соседям:

– Товарищи! Господа! Прошу обратить внимание: избиение среди бела дня! Мелкое хулиганство! Статья сто семнадцать «б»: от трех до пяти лет общего режима!!!

Подлетая к дерущимся, бухгалтер Салочкин подзадорил Сырцова сзади:

– Дай ему! Дай ещё! Он вчера мою кашу свистнул! А только что вон у новенького ложку увел, я видел!

Видя, что ему не спастись от тумачков поэта, Катышев возопил:

– Россия!

И тотчас стоявший до этого недвижимо ядерщик содрогнулся и грозно спросил, оглядываясь:

– Кто тут против России?!

– Вон! Вон! Бей жида! – вивсь под поэтом по полу, указал на Сырцова Катышев.

Канищев занес кулак, но опустить его на приподнятый зад Сырцова ему так и не привелось. В это время из-за двери в палату влетели два дюжих малых в голубых санитарских халатах, со шприцами наготове. И, направляясь к койке, над которой замахнулся ядерщик, тот, что был чуть покрепче и поувесистей, гориллообразный Сереня, громко и злобно рявкнул:

– Утюг!

Ядерщик тотчас оцепенел. С кулаком, занесенным вверх, он так и остался стоять у тумбочки, в проходе между кроватями, тогда как два санитаря, разбросав дерущихся по палате, тут же вкатили им по шприцу галоперидола в задницы.

– Это не я, не... я! – успел взвизгнуть Катышев перед тем, как его тело окаменело, а санитар Сереня одним мощным выверенным рывком подхватил адвоката с полу и отшвырнул его, оцепеневшего, на кровать.

– Фашист! – прохрипел под другим санитаром поэт Сырцов и тоже оцепенел.

Небрежно схватив поэта за воротник пижамы, менее подготовленный санитар, пыжась перед Сереней, отшвырнул и его на койку. Однако поэт, проскользнув по ней, не удержался на одеяле и плюхнулся снова на пол.

– Куда?! Не мешки, чай, грузишь, деревня! – урезонил Сереня друга и, ловко забрасывая поэта кудрявой макушкой на подушку, пригрозил санитару пальцем: – Мягче. Как мяч в корзину. Ну сколько можно тебя учить?

И, замечая листок бумаги, вывалившийся из кармана штанов Сырцова, поднимая его, сказал:

– А теперь – спать! Всем спать! Ночь на хрен!

При слове «ночь» вошедший в палату Миронка схватился руками за голову и возопил:

– Китайцы идут? Спасайся!

– День, – зло прохрипел Сереня и сплюнул с досады на пол. – Но все равно – всем спать!

При слове «день» Миронка снова пришел в себя. Он тотчас же отряхнулся и, всем улыбаясь и низко кланяясь, ускользнул на свою постель, под теплое одеяло. Там он сложил под щекой ладони и в блаженстве закрыл глаза.

– Запарили, – тихо отметил Алик и тоже прилег на койку.

Салочкин и о. Самсон прилегли на кровати тоже.

И тут, когда все больные, находившиеся в палате, за исключением, разве, ядерщика Канищева, оказалась лежащими на кроватях, со своей койки покойно встал Иван Яковлевич Корейшев. И, взяв с подоконника небольшой кусок штукатурки, отчертил мелком угол палаты в полуметре от своей кровати. После чего, опустившись там, перед пустым углом на колени, широко и размашисто перекрестился, да и принялся отбивать поклоны.

Уже находясь у двери, Сереня с трудом прочитал с листа, уроненного поэтом:

Я выше, чище, чем звезда,

Но грязь земли в меня вцепилась...

– Хм, – ухмыльнулся он своему напарнику и перед тем, как выйти, еще раз оглянулся назад на обитателей палаты.

– Э! Звезда! – замечая Ивана Яковлевича, молящегося в углу, рыкнул ему Сереня. – Ты что, меня плохо слышишь?! Я же сказал: спать!

И он потянулся уже к карману, видимо, за шприцем, да только напарник шепнул:

– Не надо. Саблер его крышует.

Сереня задумался на секунду и, переварив услышанное, сказал от двери Корейшеву:

– Ладно, звезда. Только смотри мне: одно слово услышу, живо с небес спущу!

И он вместе с товарищем-санитаром вразвалочку удалился.

По коридору шагали четверо: Саблер, Щегловитов, седой старик с окладистой бородой и санитар Сереня. Санитар докладывал главврачу:

– Как пометил кусок палаты в самом углу, за койкой, так и живет там почти безвылазно. Разве что на толчок выходит. А на кровать так даже и не садится. То на коленях торчит и молится, то лежит на полу, как труп, и ни на какие вопросы не отвечает.

– Ну, и в чем дело? – спокойно спросил главврач.

– Так, непорядок, – с трудом нашел нужное слово Сереня. – Какой пример молодежи?

Снизу вверх устало зыркнув на санитаря, Саблер, уже открывая дверь, услужливо предложил гостям:

– Прошу.

И пока Щегловитов со стариком бочком проследовали в палату, главврач, замечая неподалеку санитарку Валечку, – она как раз вынесла в коридор кучу пустых банок из-под пива, – сказал Серене:

– Ваша правда, Сергей Васильевич. Дурной пример – заразительный. Еще раз увижу это безобразие, – кивком указал он в сторону пивных банок, – уволю.

Все обитатели палаты, в которой «лечился» Иван Яковлевич, каждый со своего места, провели взглядами Щегловитова, старика с окладистой бородой и Саблера.

Приблизившись к застывшему на коленях, лицом к пустому углу Корейшеву, Саблер откашлялся и сказал:

– Доброе утро, Иван Яковлевич.

Оглянувшись на посетителей, Иван Яковлевич встал с колен и, обращаясь к Щегловитову, поинтересовался:

– Ну как, дядя, проверил печень?

Щегловитов кивнул в ответ, и Иван Яковлевич продолжил:

– И какое же будущее ты выбрал? Под патриаршую тюрю в реку огненную или еще пожить?

– Пожить, – тихо, но твердо ответил предприниматель, и тогда Иван Яковлевич, улыбувшись ему, сказал:

– Вот это правильно! Продашь, значит, все свое ничего, раздашь денежки всем обиженным и – в Иерусалим. Тут я тебе чертежик вычертил, – достал он из бокового кармана больной пижамы свернутый вчетверо лист бумаги и, развернув его, протянул Щегловитову: – Вот. Сядешь в Одессе на пароход – и до Бар-града. Поклонишься Николаю Угоднику и прямоком на Святую гору. А оттуда до Иерусалима – рукой подать.

– Любопытный план, – пряча листок в карман пальто, сказал Щегловитов.

– Да это уж какой Господь тебе начертал, – улыбнулся в ответ Корейшев. – Главное, в Бар-граде бананов не переешь. Вспучит. А на цирроз свой наплюй. Рассосется. Ну, а тебе чего? – обратился он к старику с окладистой бородой, стоявшему рядом с предпринимателем и важно кивавшему на каждую фразу Ивана Яковлевича.

Явно не ожидая, что к нему обратятся, старик стушевался и отступил за спину Щегловитову.

– Это мой повар Артем, – представил его Щегловитов. – Я уезжаю, его рассчитываю. Вот он и хочет в деревню к себе вернуться. А его старый отцовский дом, пока он у меня служил, вроде бы рухнул, что ли? Вот он и хочет построить новый, а какой именно – сомневается: то ли со шлакоблоков, то ли бревенчатый, пятистенку. Чтобы им вместе с внучкой было бы в нем покойно.

– Приляг, – предложил старику Корейшев и указал на пол за своей кроватью: – Вот тут.

Старик затравленно глянул на Щегловитова, но тот с улыбкой сказал ему:

– Ложись, коль уж вызвался попросить совета у Божьего человека.

Старик побряхтел и лег.

– На спину. Так, – склонился над ним Корейшев и вымерял рост старика вершками: – Два аршина, десять вершков. Подушка, чтоб покойно. Ну вот, поднимайся. – И как только старик встал с пола, спокойно сказал ему: – Дом советую фанерный: два аршина двенадцать вершков. Или метр девяносто пять на семьдесят.

– Так мы же с внучкой в него не влезем, – напомнил Ивану Яковлевичу старик.

– А зачем с внучкой? Внучка тут ни при чем, – отмахнулся от старика Корейшев. – Она сама себе дом построит. Ты лучше вот что: как приедешь на родину, все свои сбережения в банку отложи да прикопай её где-нибудь в саду. Ну, и план какой-никакой составь: где, мол, копать и сколько. Положи план в конверт и конверт тот снеси соседке: внучке, мол, передашь, когда она из мест не столь отдаленных на побывку домой зайвится.

– Да нет, вы что-то путаете, – возразил старик. – Она же у меня учительница. В Самаре.

– Ты слушай, коли пришел. Вдругорядь повторять не буду, – урезонил старика Корейшев. – Деньги – в банку, письмо – соседке. А с домом не торопись. Внучка сама построит. И вот еще что, – обратился Корейшев вдруг к главврачу. – Сюда скоро один человек поступит, большая шишка, из новых русских, так нельзя ли его ко мне, на мою кровать прикомандировать. Пригляжу за ним честь по чести, можете даже не сомневаться.

– А что за человек? – извлек из бокового кармана халата ручку и записную книжку главврач.

– Карнаухов Юрий Павлович, – продиктовал ему Иван Яковлевич. – Шестидесят второго года рождения. Бесноватый.

– Хорошо, – спрятал главврач записную книжку и авторучку обратно в карман халата.

– Да, и кирпичиков бы сюда, – вновь попросил его Корейшев.

– Кирпичиков? – переспросил Саблер.

– Ну да. Щебеночки. Бутылочек битеньких. Черепички. А то люди пойдут, надо будет их привечать. Да и по стуку скорей отыщут.

– Хорошо. Я распорядюсь, – согласился Саблер. – Санитар принесет, сколько там Вам понадобится.

– Зачем санитар? – возразил Корейшев. – Миронку вон обяжут. Он у нас по хозяйской части.

С дальнего конца палаты, со своей койки, за разговором Ивана Яковлевича и Саблера внимательно следил о. Самсон. Поэт же, склонившись к тумбочке, писал на листке стихи; а адвокат Катышев улыбался, глядя туда-сюда, высматривая поживу.

Под грохот разбивающихся камней, из глухой непроглядной темени, на свет одинокого фонаря, мерно раскачивающегося над грязью, валила толпа китайцев. Медленно, неприметно фонарь превратился в желтый, расплюснутый под рукой лимон, которым Иван Яковлевич, повторяя движения фонаря, натирал пред собою стену.

Рядом с ним, перед кучей мусора, которым была завалена часть пола в углу палаты, сидел на корточках краснощекий вспотевший мужик в длиннополом вязаном свитере и с усердием бухал одной половинкой красного огнеупорного кирпича о точно такую же запыленную, разваливающуюся в руках – другую. После каждого грохота кирпичика о кирпич половинки в руках мужика раскалывались, и на огромную кучу мусора перед его ногами сыпались вместе с кирпичной пылью красные разнокалиберные осколки.

Прекращая тереть лимоном стену, Иван Яковлевич обернулся к сидящему мужику и тихо сказал ему:

– Ладно. Хорош пылить. Ну, что ж ты из кирпичей так мало песку насеял?

– Так песок же – скипелся весь, – объяснил Корейшеву посетитель.

– А жена твоя не скипелась разве с выводком-то твоим, пока ты по заработкам мотался?! Что же ты из неё побоями истерики выбиваешь? Разумно ли это, а? Ну, угробишь жену, а дальше – сам загремишь на нары. И детям сразу покойней станет. Где-нибудь в спецприемниках. Нетушки. Истерит жена – так ты её лаской исправь пробуй, личным примером, кротостью. Тогда и детишкам наука будет. Да и жена исправится, на доброго мужа-то глядучи.

– Ну, это вряд ли, – пробурчал себе под нос Краснощекий.

– А, – досадливо отмахнулся от него Корейшев и просопел затем: – Ладно, ступай уже. Завтра договорим.

И пока Краснощекий, вытирая ладонью разводы грязи на своем угревато-мясистом лице, приподнимался с пола, словно почувствовав на себе чей-то упорный взгляд, Иван Яковлевич оглянулся на толпу народа, безмолвствующую за его кроватью.

Там, среди старых тщедушных бабок в разноцветных платочках на головах и пары суровых мужчин в тулупах, стояла молоденькая монахиня. Это была та самая симпатичная девушка из Смоленска, из-за которой Ивану Яковлевичу пришлось столько выстрадать в психбольнице.

Завидев её, Корейшев радостно улыбнулся и двинулся ей навстречу:

– Таня!

– Таисия я, – порозовев, поправила Ивана Яковлевичи монахиня.

– Ну да, конечно! Экий я балбес! – стукнул Корейшев себя по лбу и поясным поклоном поздравил монахиню с пострижением. – С пострижением Вас, матушка Таисия. Вот видите, а чудо-то – свершилось. Теперь вам и за квартиру платить не надо, да и матушка всегда рядом, напоена и накормлена. Как просили.

– Слава Богу, – ответила монахиня. – Спасибо Вам, Иван Яковлевич.

– Мне-то за что? Бога благодари. Это же Он вам устроил всё.

– И все равно – спасибо.

Иван Яковлевич кивнул. И вдруг настороженно оглянулся.

Из-за двери в палату донеслось все усиливающееся похрюкивание.

Все, находившиеся в палате, тоже взглянули в ту же сторону.

– Держись, мать, – сжал руку монахине Иван Яковлевич. – Сейчас мы увидим, как свершаются суды Божии.

В палату вошел главврач, а сразу за ним два санитары в белом вкатили за порог коляску, на которой, спеленатый по рукам и ногам в смирительную рубашку, сидел недавний богатый предприниматель Юрий Павлович Карнаухов. Пуская слюни, бывший вершитель судеб, весь как-то скрючась, дергался и громко, истошно хрюкал.

– Гость к тебе, Иван Яковлевич, – представил его главврач. – Как просил.

С грустью взглянув на умалишенного, Иван Яковлевич отвернул одеяло на своей койке и кивнул:

– Укладывайте.

– Только предупреждаю, – сказал Саблер. – Он безнадежен. Под себя ходит. Ест экскременты. Ну и визжит, как видишь. Тут такое начнется. И навсегда.

– Все в руках Божиих, – сказал Корейшев и прикрикнул на санитаров: – А вы что устались на него? Укладывайте, укладывайте.

Санитары взглянули на главврача, а тот лишь развел руками. Тогда Сереня кивнул напарнику, и они уже быстро и слаженно отвязали Карнаухова от коляски и, уложив его на постель к Корейшеву, пристегнули руки и ноги умалишенного к спинкам кровати резиновыми ремнями.

– Ну, нет! Это уж чересчур! – срывая со лба мокрое полотенце, вскочил с постели адвокат Катышев. – Леонид Юльевич, я выписываюсь!

– Э-э-х! – потрепал себя за остатки волос бухгалтер Салочкин и тоже метнулся к Саблеру. – Уж лучше тюрьма, чем с этими! – указал на Корейшева с Карнауховым. – Я тоже здоров. И меня выписывайте.

– Очень хорошо, – улыбнулся Саблер и повернулся к Алику. – А вы, молодой человек, не хотите ли в армии послужить?

Всё время стоявший у подоконника Алик из-за плеча посмотрел на Саблера и вновь отвернулся лицом к окну.

– Ну и дура! – крикнул ему бухгалтер, но даже Алик не шелохнулся.

Тогда Саблер спросил у оставшихся обитателей палаты:

– Больше никто выписаться не хочет? Толя? Отец Самсон?

Поэт лишь пожал плечами и снова склонился к тетрадке с записями:

– Мне не мешает.

О. Самсон потупился.

– Ну, хорошо, – сказал Саблер. – Будь по-вашему, – и кивнул желающим выписаться: – Пойдемте.

В тот день посетителей в палате не было. Больные (а их оставалось всего семеро) находились каждый в своем «углу». Алик, как и обычно, поглядывал за окно, во двор; поэт сочинял стихи; физик-ядерщик памятником стоял возле своей кровати; Миронка подметал пол; и только о. Самсон, перебирая четки, молча следил от тумбочки за склонившимся над безумцем Иваном Яковлевичем.

– Спокойно, не крутись, – отмыв Карнаухова от фекалий, протер его влажной тряпкою Корейшев.

Между тем Карнаухов дернулся и, сбив ногой с табурета таз, повизгивая, захрюкал.

Иван Яковлевич привстал и, глядя, как растекается лужа воды под его кроватью, устало позвал Миронку:

– Миронка, тащи тряпку.

Миронка отбросил веник и поспешил к двери.

– Как тебя бесы-то скрутили, – наблюдая за корчами Карнаухова, с грустью сказал Корейшев. – Неужто не отобьемся? – И, осенив себя крестным знаменем, начал безмолвно шевелить губами.

Видя, как от молитв Корейшева Карнаухова начинает выворачивать все сильнее, о. Самсон встал и подступил к кровати, на которой неистовствовал бесноватый.

– Давай помогу, – накрыл он огромными руками ноги умалишенного.

– Только молитесь, батюшка, – предупредил Корейшев. – Иначе не он Вас замучает.

И теперь уже они оба, – бывший священник на пару с Иваном Яковлевичем, – крепко стягивая простынями брыкающегося безумца, молча зашевелили губами.

Взглянув на них, поэт привстал со своей кровати:

– Может, и я чем могу помочь?

– Да ты уж пиши, пиши, – улыбнулся ему Корейшев. – Жги сердца, если Богом призван. А с кашками мы и сами как-нибудь разберемся.

Порозовев, поэт положил исписанный лист под подушку и не спеша подошел к кровати с похрюкивающим безумцем.

– У меня бабка так же орала перед смертью, – сказал он, поглядывая на Карнаухова. – У нее рак был. Матки.

– А у него – души, – ответил Корейшев. – Ну да не беда, отмолим.

– А это возможно? – спросил поэт.

– У Бога все возможно, – сказал Корейшев. – А ну сходи за Миронкой. Что-то он там пропал.

Поэт лишь кивнул и вышел.

В последний раз выгнувшись в поясице, Карнаухов вдруг рухнул на спину и, прекращая хрюкать, тотчас же захрапел – уснул.

Заканчивая пеленать его, Иван Яковлевич спросил у о. Самсона:

– Говоришь, проверка закончилась?

Несколько удивившись заданному вопросу, о. Самсон лишь повел плечом и опустил глаза.

– Ну правильно, правильно, – привязывая больного к койке, утвердительно кивнул Корейшев. – В таких делах лучше не торопиться. А как насчет баньки, а, о. Самсон? Сегодня – пятница; может, вместе попаримся?

– Можно и вместе, – рассудительно ответил о. Самсон.

Вечером в бане, упершись руками в скамейку, Корейшев покрикивал на о. Самсона, который стегал его веничком по спине:

– Крепче бей, крепче. Вот так. Ну, хватит.

Распрямившись, Иван Яковлевич окатил себя шайкой воды близ душа. И, потряся головой, сказал:

– Ну и здоров ты, батюшка. Что же в дурке-то прохлаждаешься, старец божий?

– Лечусь, – сел на скамейку о. Самсон.

– И от какой же хвори?

– От уныния, сын мой.

– А я слышал, что уныние – это грех. От недостатка веры душа помрачается и тоскует, – сняв с гвоздика полотенце, принялся вытираться Иван Яковлевич.

– Может, и так... – взглянул в покрашенное окошко о. Самсон.

– Тогда при чем тут дурка? – отбросив полотенце на скамейку, принялся одеваться Иван Яковлевич. – Молиться надо. Посты блюсти. Жить по Евангелию. Что, забыл?

С трудом поднявшись на ноги и направляясь уже под душ, о. Самсон досадливо усмехнулся:

– И какой же ты умный, Ваня. Видно, в прошлом году крестился? Что, угадал, пророк?! Советы мы все горазды. А вот как с собой справиться – это уже вопрос! Ничего, поживешь с моё – тогда и поговорим.

И о. Самсон, подняв руку ладонью к Ивану Яковлевичу, дал понять Корейшеву, что он разговаривать не намерен.

Натягивая рубашку, Корейшев понимающе кивнул.

За окном, в конусе света одинокого фонаря, с трудом освещавшего часть больничного палисадника с мусорной кучей у забора, падали крупные хлопья снега.

Наблюдая за их полетом, Алик вздохнул, потягиваясь:

– Тоска.

От кровати со спящим над уткою Карнауховым, Миронка, ссутулившись, предложил:

– Цветы вон полей. Или пол подмети. Послабит.

Полупрезрительно покосившись на сидящего в уголке Миронку, Алик снова выглянул за окно.

Глаза Карнаухова приоткрылись. Сквозь щель в едва приоткрытых веках он внимательно проследил за тем, как, поднявшись с кровати, поэт Сырцов обратился к Алику:

– А хочешь, я стихи тебе почитаю? – и он пошагал к окну.

– Тихо вы там, – зашипел на ребят Миронка. – А то Юрика разбудите, – и, в тревоге взглянув на дверь: – Как же долго они там моются.

И тут спеленатый по рукам и ногам в смирительную рубашку Карнаухов привстал с подушки, сладко зевнул, оглядываясь, и, цокнув зубами, вдруг весело рассмеялся:

– Оба-на! Я что, буянил, да? – оглядел он себя, спеленатого.

В ужасе отшатнувшись от подопечного, Миронка застыл на месте, в проходе между двумя кроватями, и в трепетном онемении покосился на Карнаухова.

Обращаясь к замершим у окна и с тревогой вззирающим на него поэту Сырцову и призывнику Алику, Карнаухов доверительно прояснил:

– А я их, между прочим, предупреждал: нельзя смешивать дурь с «Текилой». Крышу снесет на раз! А они – наливай, нищак. Вот тебе и нищак. А ну-ка, пацанчики, развяжите меня...

– Куда?! Нельзя! – растерянно замахав на ребят руками, отпрянул к двери Миронка. – Я лучше Сереню вызову.

– Сереню? Дежурный доктор? – глядя на Алика и поэта, доверительно поинтересовался Карнаухов.

– Санитар, – первым направившись к Карнаухову, лениво отметил Алик.

За ним проследовал и поэт.

С улыбкой взглянув на молодых парней, привыкших всё делать в афронт начальству, Карнаухов высокомерно сказал Миронке, замывшемуся у двери:

– Ну, чего стал! Быстрее зови Сереню! Некогда мне прохладиться с вами. И так миллион тридцать из-за этой гребаной презентации потерял.

Натягивая пижаму, о. Самсон сказал:

– Все мы по молодости романтики. Подвига душа жаждет. Да только жизнь, сынок, по мелочам всё больше раскручивает тебя. Оглянуться, брат, не успеешь, как ты уже не с Христом, а с Иудой в паре. А как оно так вот вышло, сразу и не понять. Вроде ж хотел как лучше. Ан предал и себя, и всех. Без всяких серебрянников. Лавируя между кесаревым и Божьим.

Разглядывая дырку в своем носке, Иван Яковлевич сказал:

– Если ты имеешь в виду твои писульки в органы, так никого ты не предавал. Так, ерунду пописывал. Да и за ту покаялся. Господь тебя давным-давно простил.

Вначале несколько удивившись, о. Самсон вдруг побагровел и ударил себя кулачищем в грудь:

– Зато я себя не прощаю!

– А вот это – гордынька! – пригрозил ему пальчиком Иван Яковлевич. – Кто ты такой, чтобы суды вершить? Паства без пастыря пропадает. Душа по делу изнылась. А он, видишь ли, окопался тут и – унывает. Скажите, пожалуйста, какой совестливый попался! Прямо тургеневская барышня! Да ты забудь про себя, про свои болячки и к людям ступай, паси! И все как рукою снимет!

В это время, пока в палате поэт Сырцов и призывник Алик услужливо освобождали Карнаухова от смиренной рубашки, сам Юрий Павлович повелительно объяснял Серене, застывшему перед ним с сотовым возле уха:

– Снимешь с карточки штуку баков. Коньячку прикупи, бананчиков, шампанского, шашлычков, – подмигнул он поэту с Аликом. – Ну и девочек не забудь. Лучше звони с Пихатовной. У ее красоток хоть и ноги не от ушей растут, зато они понежнее. А то с этими моделями – одни кости. А дай-ка я лучше сам, – выхватил он телефон из рук замершего Серени и деловито заметил в трубку: – Так, Валерьян Лукич, сейчас к тебе Сергей, – и, прикрывая рукою сотовый, обращаясь к Серене: – Как там тебя по батюшке?

– Васильевич, – млея от благодарных чувств, с трудом просопел Сереня.

– Сергей Васильевич на тачке подрулит, обслужи уж его по полной! В долгу потом не останусь. Ага! Хорошо! Хоккей, – и вновь обращаясь уже к Серене: – Ладно, беги, родной! Валерьян тебе всё устроит!

В бане о. Самсон, повертев головою туда-сюда, просопел, растирая слезы:

– Поздно, сынок. Нет больше о. Самсона. Был да весь вышел. Труха одна. Тут мне жаба и цыпки даст. Да и тебе – тоже! Га-га-га! – рассмеялся вдруг, но, видя участливый, полный сострадания взгляд Корейшева, устремленный на него, тотчас же сник и спросил растерянно: – Что, обмельчал? Уязвляю, да?

– Неважно, – ответил Иван Яковлевич и принялся собираться. – Пойдемте, батюшка. А то там Юрик. Как бы Миронку не напугал.

– Прости, – вдруг рухнул о. Самсон на колени перед Корейшевым.

– Ну что Вы! Вставайте, батюшка, – попробовал Иван Яковлевич приподнять о. Самсона.

– Виноват. Прости, – настоял тот, даже не шелохнувшись.
– Бог простит, – опустил Корейшев на колени перед о. Самсоном. – И Вы меня, батюшка, простите.
– Спасибо, – обнял Корейшева о. Самсон и смачно поцеловал в щеку. – А я грешным делом думал, что ты колдун. А ты вот он какой, оказывается.

В ожидании возвращения отъехавшего за девочками Серени, Юрий Павлович разлил по кружкам спирт и усмехнулся уже хорошо подвыпившим поэту Сырцову и Алику:

– Жизнь, она, братцы, единожды нам дается. И прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно. Правильно? Мироньч, друг, – вдруг обнял он старика и чмокнул его в затылок. – Ну что, пацаны, вздрогнули? За удачу!

Поэт и Алик чокнулись кружками с Карнауховым, в то время как тот, прищурившись, менторским тоном спросил Миронку:

– А ты почему отлыниваешь? Не уважаешь?

– Мне нельзя, – в тоске объяснил Миронка. – Китайчики одолеют.

– Ерунда! – подлил ему в стакан спирту Карнаухов. – Пей. Лекарство.

Миронка поежился и в ужасе заморгал.

– Ну! Я кому сказал! – поддавил его Карнаухов.

Испуганно замигав глазами, Миронка тем не менее потянулся рукой к стакану:

– Ну, если вы считаете...

– Да! Считаю! – уверенным тоном выдохнул Карнаухов и оглядел собравшихся. – Ну, за нашу команду! Вздрогнули!

Пугливо оглядываясь на всех, Миронка поднес стакан к губам.

И тут дверь в их палату со скрипом приотворилась, и на пороге выросли вернувшиеся из бани о. Самсон и Иван Яковлевич Корейшев.

Увидев их, Миронка испуганно встрепетал и спрятал стакан за спину:

– А мы тут выздоровление товарища отмечаем, – оправдался он перед Иваном Яковлевичем. – Вот Юрий Павлович пришел в себя.

– О! Пророк! – с ухмылкой поприветствовал Корейшева Карнаухов. – Алик, а ну-ка, плесни пророку! Давайте, отцы честные, присоединяйтесь. Хлебните спиртку за моё здоровье.

Растерянно покосившись на Корейшева, о. Самсон потупился:

– У меня – печень... – И он неуверенно, как-то боком, осел на свою кровать.

Корейшев молча прошел в свой угол, уселся на куче щебня и, подняв повыше два самых грязных и увесистых кирпича, принялся громко стучать булыжником о булыжник. Клубы пыли и битого кирпича, смачиваясь о влажные после бани волосы, тут же усеяли ему голову тонким налетом красно-багровой грязи. Струйки пота и липкой грязи поползли по щекам и по лбу Корейшева, в то время как его губы бесшумно что-то нашептывали.

– Колдует! – подмигнул Карнаухов товарищам по попойке и поднял повыше стакан со спиртом. – Ну что ж, за твоё здоровье, пророк! – И он одним махом выпил стакан со спиртом.

Занюхав выпитое рукавом халата, Карнаухов хотел уже было что-то сказать Корейшеву, но тут вдруг, сам того, видимо, не желая, растерянно огляделся. Судорожно схватился рукой за горло. И снова истошно, навзрыд захрюкал.

Поэт Сырцов и Алик в испуге отпрянули от больного.

Миронка растерянно замигал.

А от двери, где за секунду до этого как раз появились четыре густо нафабранные девицы в коротких кожаных юбках и в белых полупрозрачных блузах с выглядывающими из-под них пупками, послышался громкий девичий визг. Испуганно завизжав, путаны рванулись назад, к двери, прямо навстречу входящему вслед за ними, с двумя огромными свертками с продуктами в руках, улыбающемуся Серене.

В палате поднялась кутерьма: содрогаясь всем телом в шаге от Ивана Яковлевича, по-прежнему громко бухавшего камнями, Карнаухов истошно хрюкал; путаны визжали, пытаясь вырваться в коридор; под их напором пакеты в руках Серени с треском разодрались, и на пол высыпались продукты. Бутылки с шампанским, бананы, яблоки, апельсины раскатились по всей палате и даже по коридору. Натыкаясь на них и падая, убегающие за дверь девицы громко, на все голоса визжали. Алик и поэт Сырцов в недоумении и растерянности озирались по сторонам. И только один Иван Яковлевич сохранял спокойствие. Аккуратно положив кирпичи на пол, он размашисто перекрестился на иконы, развешанные в углу, после чего встал на ноги и, приближаясь к содрогающемуся в судорогах Карнаухову, спокойно сказал Миронке:

– Тащи ведро с водой. Да тряпок побольше – чистых.

А как только Миронка метнулся к двери, из-за которой всё ещё доносились взвизги и топот ног убегающих коридором женщин, обращаясь к Алику и к поэту, Корейшев сказал спокойно:

– Алик, где его смирительная рубашка? А ты – ноги его держи. Да «Отче наш» читайте. Или хотя бы: «Господи, помоги!»! Иначе ведь – не удержите.

А потом вся палата, включая поэта, Алика, Миронку, о. Самсона и даже растерянно озирающегося Сереню, устало и тяжело дыша, молча сидела над затихающим, снова спеленатым по рукам и ногам в смирительную рубашку Юрием Павловичем Карнауховым, в то время как Иван Яковлевич, застыв за мусорной кучей, встал на колени перед иконами и, прижавшись лбом к полу, прошептал чуть слышно:

– Господи, что я делаю? Может, это не он, а я – настоящий тут бесноватый?!

Утром следующего дня в белую дверь кабинета Саблера постучались.

– Леонид Юльевич, можно? – заглянула в комнату санитарка Валечка, одетая в шубку, шапку и зимние сапожки. – Зашла вот проститься.

В глубине кабинета спиной к окну, по белым шторам которого бегали солнечные зайчики, сидел за столом главврач.

Напротив него на стуле сидела спиной к двери женщина в стареньком пальто и вязаной шапочке.

– Извините, – сказал ей главврач и прошел к санитарке Валечке. – Ну, всех благ тебе, Валечка. Надеюсь, в другом месте тебе будет легче.

– И я надеюсь, – с любопытством поглядывая на женщину, сказала Валечка и не выдержала, спросила: – А это что – на моё место новенькая?

– Да, – спокойно ответил Саблер.

Женщина, сидящая за столом, на мгновение обернулась. Это была Лена, та самая бывшая ученица Ивана Яковлевича, которую он в свое время отправил помогать матери выходить из запоя. Повзрослевшая лет на пять, она мельком взглянула на Валечку и вновь повернулась лицом к окну.

Саблер объяснил:

– Елена Владимировна мать свою привезла сюда. Из Смоленска. Специально к Ивану Яковлевичу.

– Это что, ту самую скандалистку из тридцать пятой?

Саблер кивнул: ту самую.

– Ну ладно, Леонид Юльевич, я пойду, пожалуй. Всего вам доброго, – сказала Валечка – и в спину сидящей на стуле женщине: – И вам тоже – всего хорошего. Главное, Вы не бойтесь. Сумасшедшие тоже люди. Как Вы к ним, так и они к Вам. За редким-редким исключением.

– Спасибо. Я поняла, – через плечо посмотрев на Валечку, улыбнулась в ответ Елена и вновь повернулась лицом к столу.

В палате Алик и о. Самсон кормили из ложечки похрюкивавшего Карнаухова, а Миронка переодевал в чистую пижаму ядерщика Канищева, в очередной неестественной позе замершего у тумбочки.

В то же время, отвернувшись в угол к развешанным там иконам, Корейшев молился Богу. И только один поэт вольно разгуливал между коек, помахивал ручкой и шевелил губами.

– Подержи штаны, – попросил его Миронка, и поэт ринулся помогать ему:

– Давай.

Держа на руке штаны, он посмотрел на ядерщика Канищева и сказал:

– Странная болезнь у этого ядерщика. Одно слово слышит и оживает. А вся остальная жизнь, выходит, ему до лампочки?

– Ничего, отмолим, – автоматически сказал Миронка и взял у поэта из рук штаны. – Спасибо.

В палату вошли Лена и Саблер.

– Доброе утро, – улыбнулся главврач больным и, направляясь в угол к Ивану Яковлевичу, поинтересовался: – Ну, как дела, Миронка? Что снилось?

– Слава Богу, ничего не снилось, – ответил Миронка. – За день намаешься. Не до снов.

– А мы тут как, сами кушаем? – проходя мимо койки Ивана Яковлевича, на которой кормили Карнаухова, спросил Саблер.

– Нет. До этого не дошло, – ответил о. Самсон и заключил: – Пока.

Главврач кивнул и, сопровождаемый санитаркой, остановился у самой линии, очерчивавшей угол с коленопреклоненным перед иконами Корейшевым.

– Иван Яковлевич, доброе утро! – обратился к Корейшеву главврач.

– А, Леонид Юльевич. Присаживайтесь, – поднимаясь с коленей, указал Иван Яковлевич на стул. – Вот вам конфетка. К чаю. И вашей новой помощнице, – протянул он другую конфетку Лене. – Держи, Леночка.

– Спасибо, Иван Яковлевич, – взяв конфетку, потеряла её в руке новая санитарка, после чего, глядя в глаза Корейшеву, сунула конфету в карман халата.

– Иван Яковлевич, – уселся главврач на стул. – Я тут пронаблюдал тебя и никаких психических отклонений не обнаружил. Может, мы тебя выпишем? Ступай себе с Богом и живи, как знаешь. Что ты на это скажешь?

Услышав это предложение, все обитатели палаты, за исключением невменяемых, дружно насторожились.

Иван же Яковлевич подергал пуговицу на своей пижаме и сказал:

– Ты смотри, отваливается. Где у нас нитки? Надо бы пуговицу пришить.

– Сейчас подам, – поспешил Миронка за катушкой с нитками, в то время как Саблер, разворачивая конфетку, переспросил:

– Ну так как, Иван Яковлевич?

– Так... я и живу, как знаю, – улыбнулся в ответ Корейшев и, взяв у Миронки катушку с нитками, поблагодарил мужчинку: – Благодарю.

– Но на свободе лучше, – жуя конфету, продолжил Саблер.

– С Богом – везде свобода, – оторвав пуговицу, принялся Иван Яковлевич пришивать ее на себе. – Ыш ты, какая верткая. Не поймает.

– Значит, отказываешься выписываться? Хорошо, – после секундного размышления встал со стула Саблер. – Невольно тебя не стану. Тем более что благодаря тебе мы больных тут кормим. Да еще и на лекарства кое-что остается. А если вот, как Елена Владимировна, из других городов к нам народ поедет, то к осени, я надеюсь, мы и больницу отремонтируем. Так что живи себе на здоровье. А надоест – выпишем. Пойдем, Лена. Да, кстати, Лена мать свою специально к тебе привезла лечить. От алкоголизма. В медицину не верит, а в тебя вот верит.

- В Бога надо верить, – улыбнулся Корейшев Лене. – Он лечит.
- Знаю, – ответила санитарка. – Только не всякая молитва до Него доходит.

Застыв в туалете у приоткрытой форточки, мать Лены, – постаревшая лет на десять молочная сестра Ивана Яковлевича, – высохшая, обрюзгшая, с огромными синяками под выцветшими глазами, – нервно куря папиросу, поинтересовалась:

- Ну и как: он тебя «узнал»?
- Да, – кивком головы подтвердила Лена. – Вот конфетку мне подарил.
- Негусто, – сказала мать. – Для любимой племянницы мог бы что-нибудь и посуше-ственней припасти.
- Я ему не племянница, – напомнила Лена матери.
- А я – сестра? – выпуская колечко дыма, поинтересовалась мать.
- Сестра. Молочная, – прояснила Лена. – Впрочем, это уже не важно. Сейчас он просто «божий человек».
- Божий ли?! – сузились в злобе глаза у матери.
- Божий, божий, – уверенно подтвердила Лена, – скоро сама увидишь. И убедишься.
- И он меня, значит, вылечит? – с ехидцей спросила мать.
- Мама, ну что ты все время злобишься? – с досадой спросила Лена. – Порадовалась бы за брата. В наше время не спился и не искололся. Родиной не торгует. Живет себе потихоньку, людям вот помогает.
- Так я и радуюсь, – пыхнула дымом мать.
- Ты что, до сих пор его ревнуешь? – вдруг догадалась Лена. – К Богу ревнуешь, мама?!
- Да больно он мне впал! – зло огрызнулась мать и, сплюнув окурочек в ведро с окурками, первой пошла к двери. – Ладно, пошли уже. К твоему «божьему человеку».

Проходя с матерью по длинному больничному коридору со множеством выходящих в него дверей, приближаясь с потоком людей в цивильных одеждах и больных в пижамах к палате Ивана Яковлевича, строго шепнула матери:

- Только ты не груби ему.
  - Больно надо, – сказала мать. – Может, я и вообще разговаривать с ним не буду.
- Поправив на матери воротник пижамы, Лена примирительно попросила:
- Расслабься, мама. Вот увидишь, всё будет нормально.
- Вздернув одним плечом, мать раздраженно пыхнула:
- Так, может, мне вообще к нему не идти? Чтобы как-нибудь не задеть «божьего человека».

И тогда Лена, молча взяв мать за руку, ввела её, едва-едва упирающуюся, за белую дверь, в палату.

В палате собралось так много народа, – посетителей в цивильной одежде и больных в форменных пижамах, – что в первый момент как Лена, так точно и мать её несколько растерялись. С трудом протиснувшись за порог, одетая в белый больничный халат и в белую крахмальную шапочку Лена увлекла мать за руку, за собой. Просачиваясь за дочерью в угол к Ивану Яковлевичу, мать с любопытством огляделась по сторонам.

В глубине палаты, у окна, крепкий красивый священник Иван Афанасьевич Щегловитов, бывший московский предприниматель, а теперь вновь испеченный батюшка о. Иоанн принял исповедь. К нему выстроилась целая вереница больных в пижамах и просто паломников к «божьему человеку» в самых разнообразных зимних одеждах. В этой очереди находились и Алик вместе с о. Самсоном и Миронкой.

Поэт Сырцов, сидя на стуле возле кровати Ивана Яковлевича, ухаживал за похрюкивающим безумцем.

Из угла же, куда сквозь толпу присутствующих Лена тащила мать, доносился знакомый голос Ивана Яковлевича:

– Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света, хвалите Его, небеса небес и воды, которые превыше небес.

Оглядываясь в толпе, Марина шепнула дочери:

– А народищу! Ни фига себе. И все к нему на прием лечиться?

– По-разному, мама, по-разному, – расталкивая больных, пробивалась Лена всё ближе и ближе к кровати Ивана Яковлевича. – Кто лечиться. Кто просто так – поглазеть да послушать.

– Круто! – сказала мать. – Если он хотя бы по рублю с брата берет, так это ж озолотиться можно. Действительно, хорошо устроился.

– Мама! – одернула Лена мать. – Ну что ты паясничаешь всё время? Зачем тебе это, мама?!

– Ну хорошо, молчу, – потупила глазки мать. – И всё ж таки кто бы мог подумать, что наш Ивасик в такого вот Кашпировского превратится! С ума сойти!

Чем ближе Лена и ее мать пробирались в угол к Ивану Яковлевичу, тем отчетливей и яснее, хотя и не очень громко, звучал голос Корейшева; а лица людей вокруг становились все вдумчивей и серьезней. Здесь находились все те люди, которым когда-либо помог Корейшев: Саблер, старушки в платочках на головах, монахиня Таисия, одноногий десантник на костылях, его веснушчатая подружка. В толпе отирался и краснощекий мужик в кожане с миниатюрной худенькою женой и двумя дошкольниками-детьми, одетыми по последней моде, во все новое и кричащее. А рядом стояла толстая больничная повариха в синем халате и полинявшей косынке на голове. И тут же два «новых русских» в длинных черных пальто до пят.

Обойдя кровать с похрюкивающим безумцем, Лена и ее мать оказались прямо перед меловой линией, полукругом вычерченной вокруг угла с Корейшевым.

Только теперь за линией открывалось сравнительно пустое пространство пола. Гора мусора, на стене – иконы. А между мусором и иконами, прямо на досках пола, лежал постаревший, высохший, с некрасивой клочковатой бородой, но со все еще молодыми и ясными голубыми глазами – Иван Яковлевич Корейшев. Одетый во все темное: в рубашку, халат и тапочки, с белым вафельным полотенцем вместо пояса, он смотрел вверх, под потолок, и тихо, проникновенно молился Богу:

– Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны, огонь и град, снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его, горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры.

Молитва Корейшева многих тронула: две старушки в разных концах палаты всхлипывали в платочки; краснощекий мужик в кожане бережно прижимал к себе щупленькую супругу и радостно улыбался. Супруга его снизу вверх поглядывала на мужа и тоже трепетно улыбалась. Их дети, – те просто радовались, с любопытством следя за бородатым дядькой, так лихо при всем народе разлегшемся на полу.

Тронула молитва и мать Лены, – Марину. Пришедшая вся на взводе, пряча свою взволнованность за напускной бравадой, женщина постепенно оттаивала душой. Вот она рассмотрела побитого жизнью Ивана Яковлевича – и несколько успокоилась, даже прониклась к нему, лежащему, жалостью и сочувствием. Но вот она присмотрелась к его улыбке – и тоже взглянула под потолок. Но ничего, кроме белизны, так там и не обнаружив, взглянула на «молочного брата» уже с нескрываемым любопытством, несколько удивленно. Чувствуя, что с ней происходит нечто незапланированное, что она поневоле втягивается в какой-то таинственный круг людей, несмотря на свои социальные и возрастные различия связанных чем-то важным и... радостным, – женщина вдруг поежилась и попыталась улизнуть из палаты вон. Однако, со всех сторон зажатая посетителями, она поневоле осталась стоять на месте. И тихо шепнула Лене:

– Я... хочу писать.

– Писай, – ответила Лена матери, неустанно следя за Иваном Яковлевичем.

– Что, прямо здесь? – прикусила нижнюю губу мать.

И тут вдруг запели бабушки. Началась церковная служба.

Иван Яковлевич встал с пола и вместе со всеми присутствующими в палате повернулся лицом к иконам. Щегловитов же в священническом облачении встал у окна со стула и, пройдя сквозь расступающуюся толпу к иконостасу, подал первый возглас:

– Благословен Бог всегда: ныне и присно и во веки веков!

– Аминь! – грянул хор из старушек и старичков, собравшихся в палате.

По мере начала службы похрюкивавший на кровати Карнаухов явно активизировался. Хрюканье становилось все громче, злее. Больного начало всё сильнее сотрясать и дергать, выворачивая на подушках.

– Молитесь. Иначе не удержите, – шепнул поэт Сырцов пятерым дюжим мужикам, помогавшим ему удерживать Карнаухова, и первым безмолвно зашевелил губами.

Мужики тоже принялись молиться, однако едва-едва справлялись с бесноватым.

Видя эту сцену, Марина поневоле отпрянула назад, к меловой черте.

– Спокойно, сестра, – положил ей Иван Яковлевич ладони на плечи. – Сейчас ему станет легче.

И действительно, продолжая службу, о. Иоанн прикоснулся к неистовствующему больному золоченым священническим крестом:

– Вот имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Карнаухов истошно взвизгнул, в последний раз содрогнулся и, истекая потом, рухнул в беспамятстве на подушку. А как только священник продолжил службу, Юрий Павлович содрогнулся и впервые после его кутежа во время банного дня, когда в палате не было ни Ивана Яковлевича, ни о. Самсона, членораздельно и сдавленно прошептал:

– Пить.

Марина, как ошалелая, смотрела то на него, то на священника, чинно и благородно продолжавшего службу в непосредственной близости от икон.

– У него что, малярия? – кивнув в сторону Карнаухова, спросила она у дочери.

– Малярия, – вздохнула Лена.

А потом был погожий весенний день. Мартовская капель стучала по подоконнику.

Внизу во дворе больницы по искрящимся на солнце лужам Миронка перепрыгивал с камня на камень: он нес к больнице ведро со щебнем.

А у окна, сбив в открытую форточку пепел от сигареты, Марина сказала дочери:

– Что-то я не пойму. Вроде бы он, а вроде бы и не он. Далекый какой-то, чужой. Хотя глаза и добрые.

– Ладно, мама. Пойдем, – сказала Лена. – Бери, – взялась она за огромный тюк с выстиранным бельем.

Мать подхватила тюк с дугой уже стороны, и они вместе с дочерью вынесли тюк из прачечной.

Оказавшись опять в знакомом больничном коридоре, Марина сказала, волоча вместе с дочерью белье вдоль цепи белых дверей с табличками:

– А еще эти молитвы. Неужто он в Бога верит? В двадцать-то в первый век!

– От Рождества Христова, – напомнила Лена матери и принялась заворачивать вместе с тюком за угол.

Как и обычно, Иван Яковлевич находился в своем углу. Он стоял у стены и прислушивался к чему-то, а группа собравшихся посетителей, затаив дыхание, благоговейно за ним следовала.

Внезапно отскочив от сидящего на постели Карнаухова, поэт Сырцов ринулся прочь от привставшей за ним пожилой женщины в сером пальто и пуховом платке:

– Не хочу я домой! Мне и здесь неплохо! Тепло, кормят, и никто тебя не трахает!

Следя невинными, как у младенца, глазами за убегающим от матери Сырцовым, Карнаухов болезненно сморщился и едва-едва не заплакал от страха.

Иван же Яковлевич, потирая апельсином стену, процитировал:

Ну, так живи: страдай, и до могилы
Покорно крест неси, учись терпеть,
Молись Творцу, проси любви и силы
Для Бога жить, за братьев умереть!

Услышав свои стихи, поэт растерянно оглянулся. Он взглянул на Ивана Яковлевича, потом – на мать. И примирительно просопел, вздыхая:

– Ну, хорошо. Давай попробуем.

– Давай, сынок, – обрадовалась мать. – А то от людей стыдно!

– У-у-у! – закатив глаза, поэт был готов снова бежать от матери, однако Иван Яковлевич напомнил:

– ...проси любви и силы: для Бога жить, за братьев умереть! Хорошие стихи, не правда ли? Вы со мною согласны? – спросил он у матери поэта.

– Что? Вы – меня? Ну, конечно, – видя устремленные на нее взгляды дюжины посетителей и самого Корейшева, с улыбкой кивнула мать.

– А ведь это ваш сын их сочинил! – поднял Корейшев палец. – Ему их Сам Бог открыл. Какая премудрость: «проси любви и силы для Бога жить, за братьев умереть!»

Открылась дверь. Вошли Лена и Марина. Они внесли тюк с бельем.

– Так, обмен белья, – сказала Лена, и Алик первым метнулся на помощь женщинам.

Проходя за дочерью к койке о. Самсона, Марина покосилась на Корейшева.

– Доброе утро, сестрица, – помахал ей тот из угла. – Как спалось?

– Хорошо, – растерялась женщина. – А чего не так?!

– Да нет, всё так. Просто поинтересовался, – улыбнулся в ответ Корейшев, и Марина, пожав плечами, прошла за Леной к койке о. Самсона.

Женщины принялись стаскивать с постели о. Самсона грязные простыни и наволочки, а в это время Иван Яковлевич со своего угла запел вдруг молитву к Пресвятой Богородице. Он пел так тихо и проникновенно, что Марина поневоле занервничала: движения ее стали резче, лицо – злее.

– Мама, наволочку порвешь! – предупредила ее Лена.

– Не порву, – отрезала мать, и тут у нее сломался ноготь.

Лизнув окровавленный палец, Марина скривилась и вдруг ощерилась:

– Ну хватит тебе уж выть! Что жилы-то из меня вытягиваешь?! Чего ты от меня хочешь? Чего добиваешься?!

Прекращая петь, Иван Яковлевич сказал:

– Нет, роденькая, это не я – это Господь тебя призывает.

– У-у-м, Иисусик! – зарычала Марина вдруг и, отбрасывая окровавленную наволочку на пол, бочком поспешила к двери. – Ненавижу! Эту твою улыбочку! Вся жизнь мою исковеркал! Дочку в дурочку превратил! А теперь распелся! Не-на-ви-жу!

И она понеслась к двери ещё стремительнее и резче.

Правда, дверь распахнулась раньше, чем до нее добежала женщина. И прямо в дверном проеме Марина столкнулась лицом к лицу со шупленьким, сгорбившимся Миронкой, который вносил как раз со двора очередное ведро со щебнем.

Налетев на ведро, Марина отпрянула от Миронки. От столкновения с женщиной ведро с мусором опрокинулось и с грохотом полетело на пол. Марина тоже упала рядом. И, схватившись руками за ногу, скривившись от боли, простонала:

– У-у-м!

Взглянув на нее, скорчившуюся под дверью, Иван Яковлевич отступил к иконам, опустился перед ними на колени и начал безмолвно молиться Богу.

К Марине же со всех сторон сбежались Миронка, Лена, Алик, поэт Сырцов и даже о. Самсон.

– Мама! – склонилась к Марине Лена. – Больно?! Миронка, Алик, перенесите её в палату.

– Нет, я – сама! – зарычала Марина, вскакивая.

И тотчас, кривись от боли, рухнула прямо на руки подхватившим ее мужчинам.

И привиделся Марине лес, – первозданный, девственный, весь залитый солнцем и птичьим щебетом. По тропинке вдоль бурной речки шли с удочками двое: десятилетние Марина и Иван Яковлевич.

Вот мальчик остановился и показал девочке, куда им надо перебраться через лежащее в речке поваленное дерево. Он первым влез на скользкий влажный ствол и поманил за собой Марину.

С тревогой взглянув на воду, девочка проследовала за мальчиком.

– Только не смотри вниз, – предупредил Марину пятнадцатилетний Иван Яковлевич, делая шаг по стволу вперед. – Давай руку.

Взволнованная Марина протянула руку Ивану Яковлевичу, и они уже вместе, Иван Яковлевич впереди, а Марина – сзади, пошли над бурлящим лесным потоком, по мокрому скользкому стволу.

Дойдя до середины речки, Марина не удержалась и посмотрела вниз. Тут же нога ее поскользнулась. И девочка закричала, падая.

Обернувшись на её крик, Иван Яковлевич сказал, протягивая ей руку:

– Не смотри вниз! Держись!

Хватаясь за руку мальчика, девочка все же свалилась в воду.

Бурная река подхватила девочку. Еще чуть-чуть – и она унесла бы Марину на камни.

Отбросив удочки в воду, мальчик одной рукой схватился за ветку дерева, а другой из последних сил стал удерживать тонущую Марину. А когда силы мальчика иссякли, он поднял глаза к небу и безмолвно взмолился к Богу.

И тогда, неизвестно откуда взявшись, прямо над мальчиком вырос седенький старичок в белом подряснике и в белой же камилавке на голове. Ободряюще улыбнувшись Ивану Яковлевичу, он протянул девочке посох. Марина схватилась свободной рукой за посох и подтянулась....

...дернувшись, повзрослевшая лет на тридцать Марина вскочила с подушки и растерянно огляделась.

Она находилась в больничной палате. Вокруг располагались койки и такие же, как сама Марина, серолицые, побитые жизнью женщины в форменных пижамах, сидя на койках: одни – разговаривали, другие – играли в карты.

Понемногу придя в себя, Марина по привычке протянула руку к тумбочке, к стоявшему там стакану с водой. Дотягиваясь до стакана, она и сама посмотрела в ту сторону. И от неожиданности едва-едва не опрокинула стакан.

Прямо перед Мариной, у тумбочки, стоял мокрый посох, – тот самый, из ее только что закончившегося виденья.

– Откуда взялась эта палка? – после секундного замешательства спросила Марина у своей соседки.

– А пока ты спала, твой дедушка приходил, – объяснила та. – Посидел и ушел. А палку, видать, забыл. Ничего, он сказал, что скоро опять зайдет.

Марина кивнула только и опустила голову на подушку. Полежала секунду-другую, глядя перед собой, и снова скосила глаза на посох.

Он по-прежнему стоял у тумбочки, – реальный, отбрасывающий густую тень на часть стены и пола, весь покрытый капельками воды, с единственным зеленым листиком, едва-едва трепещущим на сквозняке.

– Может, убрать? – потянулась к посоху соседка Марины.

– Не надо, – твердо сказала Марина.

1999 год

*Иван Яковлевич Корейша, московский блаженный. (1783 – 1861 гг.).

Старая-новая сказка

Важной походкой, более чем на голову возвышаясь над окружающими, по внутреннему дворику царского дворца шествовал палач. Не замечая ни бочкарей, ни босоногих девок, развешивавших белье, ни пучеглазого малыша, играющего с собакой, палач приблизился к центру двора и поднялся по ступенькам на возвышение. Откинув на спину капюшон, он поднял с плеча топор и резким, выверенным движением рубанул сверху вниз по плахе.

Раздался тупой удар. И прямо в толпу зевак, сбегавшихся к возвышению, громко захлопав крыльями, улетела серая обезглавленная курица.

Наблюдая за этой сценой с балкона царского дворца, седовласый, чуть сгорбившийся Гвидон, престарелый царь Тридевятого царства, на мгновение застыл над тазиком, в котором он парил ноги, спросил:

– Чего это он?

– Тренируется, – перекрестив при зевке рот, ответил розовощекий дородный батюшка, тайный советник царя Гвидона, рыжебородый отец Трофим.

– Это – дурь! – указал ему царь Гвидон и снова согнулся к тазу, подлил в него кружкой воду.

– Так-то оно так, – отгоняя муху, ответил отец Трофим, – да шибко уж очередь прибывает, – кивнул он на длинную змейку очереди, протянувшуюся от царского дома в открытое поле, к высящимся на холмике полосатым воротам таможенного терминала. – Прямо, как в половодье. А у нас – ревматизм, мигрени, без сердешных капель и шагу ступить не можем. Скоро царевичи примут от нас Державу. А их дело – известно, молодое. Возьмут и откроют окно в Европу. Вот тут тренировочки и сгодятся.

– Мои сыновья будут гнуть мою линию! – веско ответил царь, с досадой скосив глаза на очередь в отдалении.

– Это – конечно: гнуть будут. Да только в какую сторону? И под каким углом? Молодо – зелено; запретный плод, как известно, сладок.

– Не нравится, как я правлю, – побагровел Гвидон и протянул отцу Трофиму скипетр и булаву. – На, попробуй.

– Стар я, чтобы самому пробовать, – спокойно ответил отец Трофим. – Да и не наша это партия – ваше мирское царство. Так что и говорить тут не о чем. А вот очередь – это вам, батюшка-царь, не муха. От неё так просто не отмахнешься. Да и кто там толчется, а? Молодёжь в основном! Будущее всё там!

– А сыновья мои – здесь! – сжал Гвидон в кулак полотенце, которое протянула ему царица, замершая поблизости. – И им, а не этим править. А они – обучены. Разберутся.

Вытерев ноги, царь надел шлёпки, встал. Два мальчика тут же убрали тазик. О. Трофим задумчиво подытожил:

– На своих шкурах не испытал? По «телеку» судя? Да-а-а, не зря-таки тренируется наш палач. Надо бы вам еще парочку завести. А то так сразу и с дюжину. И электрический стул в придачу. Предлагал тут один перебежчик ихний.

– Боже! Отец Трофим! Вы ли это?! – всплеснула руками царица. – А как же – «не убий»?! Как заповеди Христовы?! Вы что, позабыли, кому служите?

– Прости, матушка. Виноват, – коротко ответил о. Трофим. – Только я-то как раз всё помню: и «не убий», и кому служу. А вот друг наш собинный, кажется, запомнил, кто он и для какой цели на царство сие помазан!

Царица в смущении пролепетала:

– Гвидоша, о чем это он? Я что-то не понимаю.

– Пустое, – отмахнулся царь. – Ты что, мать, нашего отца Трофима не знаешь? Пугает. А нам – не страшно!

– И третьего марта не страшно было. И на позапрошлую Пасху. И за день до наводнения. Да-а-а, нет пророка в своём отечестве. Да может, он и не нужен? – улыбнулся о. Трофим.

Царица замерла, в недоумении глядя то на него, то на царя Гвидона. Царь же, нахохлясь, отвел глаза и немного погодя спросил:

– Ну а ты чего предлагаешь?

Первый удар вичевого колокола, созывавший царевичей во дворец, настиг Ростислава, старшего из Гвидоновичей, когда он с гурьбой охотников готов был сорваться в поле.

Услышав звук колокола, Ростислав посмотрел в ту сторону, откуда он доносился, попридержал коня. Сухой старик в зипуне и шапке, встряхнув клетку с соколом, заметил подобострастно:

– Ох уж эти мне матушка с батюшкой: развеяться не дадут.

Покосясь на него, Ростислав сказал:

– Сокола не порань. А то сам развеешься. Пеплом, – и обратился к дружине: – Отбой! Ню-о-о! – подобрал под узцы коня и первым ринулся через поле к городу.

Дружина принялась разворачиваться и с криками: «Но! Но!» – поскакала за Ростиславом.

Положив на столешницу красный шарик, Степан, средний сын царя Гвидона, аккуратно накрыл шарик одним из трех голубых стаканчиков. Затем он лукаво взглянул на толпу купцов, сгрудившихся у стола, и очень быстро, ловко принялся передвигать стаканчики по столешнице.

– Так, так, так, так, так, так. Ну, где? – развёл он вдруг руки в стороны, с улыбкой поглядывая на толстого, порозовевшего от натуги купца Михеича, сидевшего за столом напротив.

Михеич задумчиво посопел, потербил холёную окладистую бороду и ткнул указательным пальцем в ближайший к нему стаканчик.

– Оп-ля! – поднял его Степан, и так как под стаканчиком шарика не оказалось, царевич смахнул со стола в мешок горку золотых червонцев. – Не повезло. Бывает. Ну, кто следующий? Прошу. На кону лицензия на пивной заводик.

Купцы перетоптывались, покрякивали, поглаживали бороды, но ни один из них явно не хотел отдавать царевичу какую-нибудь дорогую вещь. Но вот, наконец, из толпы купцов выступил крепкий чернобородый малый лет тридцати пяти. Сорвав с головы дорогую соболью шапку, он бросил её на стол:

– Эх, была не была! На шапку ставлю.

Степан осмотрел шапку, оцупал её, погладил. Затем, по-хозяйски уложив шапку на столешницу, он только кивнул в ответ и предъявил купцу, вынув из-под стаканчика, алый шарик. Показав шарик всем собравшимся, Степан накрыл его и принялся очень быстро передвигать стаканчики.

Чернобородый купец незаметно для Степана подмигнул отступающему Михеичу. Михеич важно кивнул в ответ. И тут вдруг раздался второй удар знакомого уже колокола.

Моментально взглянув на окна, из-за которых донесся звон, Степан подскочил со стула:

– Давай. Ну, где? Скорее.

– А ты спешишь? – поднялся купец. – Ну и с Богом, – потянулся к шапке. – Потом как-нибудь сыграем.

– Нет, ты – давай, говори. Ну, где?! – удержал его руку с шапкой Степан Гвидонович. – Под каким? Ну, давай!

– Ну, здесь, – насмешливо улыбнувшись, указал купец на стаканчик.

Степан подхватил стаканчик. Шарика под ним не было.

Выхватив шапку из рук купца, Степан сунул ее в мешок, туда же положил и стаканчики вместе с шариком. После чего, подхватив мешок, направился с ним к выходу из трактира:

– Простите, но мне пора! До скорой! Оревидерчи!

– Степан Гвидоньч, а как же с лицензией на сахар? – метнулись за ним купцы. – Таможню надо бы подрасширить. Уж больно проверки долгие.

– Помню, всё помню, – вырываясь из толчеи, Степан вышел за двери.

И, оказавшись во дворике, отвязал от изгороди крепыща Сивку-Бурку, живо вскочил в седло.

– Откуп на спирт! С соболями надо бы разобраться! – появляясь за ним во дворике, продолжали кричать купцы. – Деготь! Лицензию на муку!

– Помню! Всё помню! Нно!!! – пришпорил Степан коня и лихо понёсся, ловко обскакивая кусты, в сторону раскинувшегося города.

В полумраке поскрипывали мельничные колеса. Чьи-то руки подняли со стола яблоко, попридержали его между двух пластин, подвешенных над столешницей, и – разлетелись в стороны. Оставленное без поддержки яблоко повисло над столом, в воздухе.

– Есть! – заорал Иван и бросился обнимать друга-изобретателя, застывшего у стола. – Есть! Есть! – заплясал Иван, в радостном исступлении поглядывая то на яблоко, зависшее над столом, то на такого же молодого, как и сам царевич, семнадцатилетнего Володьку-мельника. – Сила притяжения преодолена! Мы победили с тобой, Володя!

– Да погоди ты, – урезонил его Володька. – До победы еще... Это – яблоко. Всего-навсего.

– Зато скоро человек сможет летать, как птица! Люди построят в небе целые города! Моря! Океа-а-аны... – Энтузиазм у царевича вдруг иссяк, и он уже шепотом предложил: – Слушай, Володя, а давай мы её поломаем, а? – И он тут же схватил лопату и замахнулся на новенький агрегат, подмигивающий огнями рядом с парящим яблоком.

– Куда?! – успев захватить его сзади за руки, Володька отбросил Ивана на пол. – Ты что, шизонулся? Строили-строили... Идиот.

Привстав на локтях у мешков с мукой, Иван пояснил Володьке:

– А что если она в дурные руки попадет?

– Не попадет, – отвел глаза в сторону друг-изобретатель.

– Ну а если?.. К тамошним, за таможню?

– Так это – твоя печаль. Ты ж у нас будущий государь. Тебе решать, кому её можно дать, а кому нельзя.

– Эх, какой из меня государь, – отмахнулся Иван, вставая. – Это вон Ростислав, да. Ну и Степан: хитростью возьмет, если что. А я?.. Прости, Володя. Я же хотел как лучше.

Вдали проскрипела дверь. На пороге мельницы возникла скрюченная старушка в длинном до пят сарафане, с белым платочком на голове. Взглянув на парней, на яблоко, парящее над столом, она с укоризной заявила:

– Эх, бездельники вы, бездельники. Ну хорошо – этот: ему положено. А ты? Яблочком он играет. А муку кто молоть будет? Володька, Володька, не будет из тебя толку. Не-ет. Весь в папеньку. Тот всё игрался, пока не сжег и себя, и мельницу. И ты такой же. Вижу, добром не кончишь.

– Понятно, – кивнул Володька и, подступив к мешкам, взвалил один из них на плечо. – Ну, и куда его?

Усевшись в углу на лестнице, старушка лишь только отмахнулась:

– А куда хочешь. Всё одно всё на ветер пустишь. Ну а ты-то чего стоишь? Третий колокол отгремел. Батюшка-царь вас к себе сзывает. Может, случилось что. А ты тут с яблочком забавляешься.

– Колокол? – оглянулся Иван на друга. – Тогда я пойду, пожалуй, – направился он к двери.

– Медь не забудь, – напомнил ему Володька. – И три пластины для конденсатора.

– Я помню, – кивнул Иван и вышел за дверь на улицу.

Старушка приободрилась.

– Эге! Да ты, оказывается, ловкач! – подмигнула она Володьке. – Правильно: медь. И золото! А там и баронство выьем. Ванюша, конечно, блажной, кто спорит: а всё ж таки царский сын.

Володька кивнул и спросил:

– Муку куда нести, баронесса?

– Муку? – возвращаясь с небес на землю, переспросила бабка. – Да в закрома, куда же еще! Тоже хозяин мне, называется.

Привстав с трона, царь Гвидон осмотрел толпу, застывшую в отдалении. Там, у колонны, на другой половине зала, среди придворных дам и царского ополчения, стоял Ростислав с мечом, а также Степан с мешком; Ивана же видно не было.

Но вот запахнулась дверь, и на пороге возник Иван. Запыхавшийся и всклокоченный, при виде отца он присел слегка. Затем, поскользнувшись на ровном месте и едва не свалившись с ног, бочком отступил в толчею собравшихся и замер там у колонны.

Царедворцы сдержанно улынулись. Гвидон же вздохнул и сказал собравшимся:

– Так, сыновья мои, мы тут подумали и решили: пора вам жениться. Вот кольца, – разжал он кулак с тремя золотыми кольцами, лежащими на ладони, – разбирайте и – с Богом. Отправляйтесь... куда хотите, – скосил глаза на отца Трофима, замершего вдали, – на все четыре стороны.

Все три сына дружно взглянули за окно, направо, туда, где была видна длинная очередь в чистом поле. Заметив это, Гвидон вздохнул и продолжил:

– Ищите себе суженую. Какую найдете, та и ваша. Мы с матушкой перечить не станем. Ну, так кто первый?

Естественно, первым к царю направился Ростислав.

И он уже, только в кольчуге, в латах, при шлеме, с мечом на боку и с копьём в руке, проскакав мимо длинной очереди, змеящейся в чистом поле, направил коня к воротам таможенного терминала.

Сразу за воротами не было ни души. Там продолжалось все то же поле, речка вдали, деревца у речки. Когда Ростислав поравнялся с воротами терминала, к нему подступил таможенник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.